

Анна Лерн

Ведовская
Говорящая с тенями

НЕВСКИЕ СТРАЖНИЦЫ

Анна Лерн
Ведовская. Говорящая с тенями
Серия «Невские стражницы»

<https://litres.ru/73301208>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вы думаете, попаданки только и могут, что варить мыло и влюблять в себя генералов-драконов? Не-е-ет. Я расскажу вам другую историю.

Наша Таня (в прошлой жизни - промышленный альпинист) секретное оружие Особого отдела по борьбе с чертовщиной. Легенда безупречна: Татьяна Фёдоровна - вдова почившего генерала, благородная и безутешная. Реальность куда интереснее: ищейка на страже Империи, умеющая говорить с мёртвыми.

Но всё переворачивается вверх дном, когда на пути встаёт ОН. Мужчина, чей взгляд обжигает сильнее адского пламени, а характер заставляет мечтать о возвращении на тридцатый этаж без страховки. Сможет ли наша Таня удержать маску светской дамы, когда ей приходится выслеживать нечисть, а в мыслях только его дерзкие руки и опасная близость? Х. Э.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	46
Глава 7	52
Глава 8	59
Глава 9	68
Глава 10	77
Глава 11	88
Глава 12	98
Глава 13	105
Глава 14	112
Глава 15	122
Глава 16	131
Глава 17	139
Глава 18	147
Глава 19	154
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Анна Лерн Ведовская. Говорящая с тенями

Глава 1

Если вы думаете, что лучшая работа в мире - это лежать на кровати с ноутбуком и иметь возможность закрыть его в любое время, вероятно, вы никогда не висели на высоте сорокового этажа. В обвязке, которая врежется в самые интересные места.

Ветер здесь, наверху, дует такой, что можно было высушить носки за три секунды. Но, если честно, вид на утреннюю Москву стоил всех синяков и отмороженных пальцев.

- Танюха, приём! Ты там уснула? - в наушник рации прорвался голос прораба. - Заказчик нервничает, говорит: у него совещание через час, а ты перед окном мелькаешь!

- Передай заказчику, что если я перестану это делать, отвалится кусок фасада и прилетит на его «Майбах», - ответила я, поправляя карабин. - Достали...

Нажав на курок перфоратора я улыбнулась. Божественный шум. Громкий, перекрывающий все остальные звуки.

Именно в них и была моя проблема.

Внизу, в муравейнике города, я не могла находиться без наушников. Причём в них должен играть «Rammstein» на полной громкости. Потому что стоило наступить тишине, как включалось моё персональное радио «Загробный мир-FM».

«... сволочь, он отравил меня, я знаю...» «... скажи Ирочке, что документы в синей папке...» «...холодно, почему так холодно, я же закрыл окно...»

Голоса лезли в голову без спроса. Старые, молодые, злые, растерянные. Они зудели, как комары летней ночью. А вот высоты мертвецы не любили. Видимо, призракам тоже не чужда акрофобия. Здесь, в порывах пронизывающего ветра, их шёпот становился тише. Он практически тонул в гуле города.

Я перестегнула страховку и оттолкнулась ногами от стены, перелетая к следующему шву. Тело сработало на автомате: мышцы послушно напряглись. Спортзал три раза в неделю и прошлое в детдоме, где нужно было быстро бегать и больно бить, сделали своё дело.

И вдруг сквозь рев перфоратора и свист ветра пробилось нечто странное.

«Помоги!»

В смысле?! Голос был не такой, как обычно. Не брюзжащим, не ноющим. А требовательным. И, чёрт возьми, очень громким.

Я мотнула головой, пытаясь стряхнуть наваждение.

- Прочь! - рывкнула я в пустоту. – Убирайся!

«Посмотри вверх!»

Я замерла, вцепившись в рукоятку перфоратора. Взгляд метнулся в сторону. Слева, этажом выше, работала бригада гастарбайтеров. Ребята красили рамы.

Взгляд зацепился за их люльку. Она вдруг дёрнулась, накренилась, и один из рабочих, тот, что был ближе ко мне, с воплем полетел вниз. Его страховочный пояс был пристёгнут к той же самой люлке, которая сейчас превращалась в смертельную карусель.

И я прыгнула вбок. Хотя это и было против всех правил техники безопасности. Но тело сработало быстрее мозга. Я оттолкнулась ногами от стены так сильно, что мышцы бёдер свело острой болью, и полетела вниз, травя верёвку с бешеной скоростью.

- Не шевелись!

Мужчина поднял голову... и в этот момент анкер, за который он держался, со скрежетом вырвался из бетона, подняв облачко пыли. Рабочий даже не успел вскрикнуть. Он просто ухнул вниз.

Я поймала его в полёте. Рывок был такой силы, что мне показалось - сейчас оторвётся рука. Обвязка врезалась в рёбра, выдавливая воздух. Мужчина болтался на моей руке, как тряпичная кукла, вцепившись мёртвой хваткой мне в запястье.

- Держу! - прохрипела я, чувствуя, как немеют пальцы. И

подтянула рабочего, заставляя перецепить карабин на мой трос. - Не дёргайся!

Когда мы оба, тяжело дыша, повисли на одной веревке, я, наконец, посмотрела на то место, где был анкер. Пустое гнездо с ржавой крошкой внутри. Господи... как же хорошо, что этот мужик оказался тщедушным. Иначе всё закончилось бы очень плохо.

Зашипела рация и тут же раздался гневный голос прораба: - Танюха, сейчас мы вас спустим! И собирайся домой! А потом серьёзно поговорим!

- Витали... - начала было я, но он уже отключился.

Спуск с “небес” на землю всегда проходил по одному сценарию. Как только мои ноги касались земли, а страховочная система отправлялась в баул, я надевала большие накладные наушники с активным шумоподавлением. Любое кладбище было для меня уютнее, чем час пик на кольцевой.

Моя квартира находилась в спальном районе, на пятом этаже обычной панельки. И только оказавшись внутри, в тишине прихожей, я выдохнула, стянув наушники. Как же хорошо... Когда я въехала сюда, то первым делом звукоизолировала стены, потратив на это половину накоплений. Так было покойнее. Мне остро требовалось личное пространство, в котором не будут звучать потусторонние голоса.

Пройдя на кухню, я налила стакан воды и уставилась в тёмное окно. В отражении на меня смотрела уставшая женщина. Татьяна Фёдоровна, тридцати двух лет. Диагноз: «ши-

зотипическое расстройство личности». Если верить карте в психоневрологическом диспансере.

Всё началось, когда мне стукнуло двенадцать лет.

Детский дом номер пять был местом, где выживали только зубастые. Я была зубастой, но очень мелкой. Однажды старшие ребята решили научить меня уважению, зажав на третьем этаже у пожарной лестницы. Естественно я отчаянно сопротивлялась. А потом меня кто-то толкнул... Падение было коротким, зато приземление очень жёстким.

Я очнулась в больнице через три дня. Голова раскалывалась так, будто в неё всадили гвоздь. И первым, что я услышала, был не голос медсестры...

- Разлеглась здесь... Корова! - проскрипел кто-то прямо над ухом.

Я открыла глаза. На краю моей койки сидел дед в больной пижаме. Он был полупрозрачный, похожий на сигаретный дым. И у него не хватало половины лица.

Я орала так, что сбежалось всё отделение.

После консилиума, врачи вынесли вердикт: тяжёлая черепно-мозговая. Последствия комы. Галлюцинации.

Я честно пыталась им всё объяснить. Рассказывала про деда, про женщину в коридоре, которая искала свою дочь, про мальчика, плачущего в углу. Но чем больше я говорила, тем сочувственнее становился взгляд психиатра и тем больше таблеток появлялось в моем рационе. От них мысли ста-

новились медленными, как мухи в сиропе. Но голоса не исчезали...

К шестнадцати годам я поняла главное правило игры: хочешь на свободу - просто молчи или обманывай. И научилась послушно повторять: «Да, голоса ушли. Спасибо, доктор, мне лучше.». Я научилась притворяться нормальной так виртуозно, что мне бы дали «Оскар», если бы Киноакадемия рассматривала кандидатов из дурдома.

После больницы я устроилась уборщицей в сетевой ресторан. Днём тёрла полы и выносила мусорные пакеты, стараясь не смотреть на серые тени, которые терлись у барной стойки. А по вечерам считала каждую копейку: мне нужно было оплатить курсы промальпа.

Зачем? Всё просто. Когда висишь на высоте и между тобой и асфальтом пустота, “радио” замолкает. Адреналин работал лучше любых таблеток. Страх смерти оказался единственным лекарством, способным заглушить шёпот мертвых.

Сначала мне доверяли только самую неприятную работу: чистить забитые жиром вытяжки ресторанов, отскребать старую краску в душных заводских цехах или герметизировать швы в панельках в мороз. Но я не жаловалась. Что и сделало из меня “ценного кадра”. Коллеги считали меня смелой и неразговорчивой. А я всего лишь наслаждалась тем, что на высоте в моей голове, наконец-то, воцарялась благословенная тишина.

Допив воду, я с грохотом поставила стакан на стол. Прошлое осталось в прошлом. Сейчас у меня есть работа, деньги. Я справляюсь со всем и контролирую свою жизнь.

Тишину квартиры нарушил звонок телефона. Я вздрогнула от неожиданности. На экране высветилось «Контора. Олег».

- Лопырёва, не спишь? - бодро поинтересовался начальник, стоило мне поднести трубку к уху. - Есть дело на миллион.

- Если это опять фасад на Москва-Сити, то забудь, - я устало потёрла переносицу. - Не хочу.

- Нет-нет, забудь про высотки! Отпуск хочешь? Настоящий! Суровый, с костром и комарами, размером с ворону? В общем, расклад такой: едешь в Карелию. Экспедиция от исторического факультета. Им требуется профессионал, типа тебя. Нужно обследовать скалы в районе Воттоваары. Там какие-то новые петроглифы нашли...

Я сначала обрадовалась. Карелия. Край озер, лесов... Но потом меня озарило: «Там же тихо! А значит, моя голова взорвётся от голосов!».

- Нет, - отрезала я. - Олег, я альпинист-высотник, а не...

- Тань, не вредничай! - голос Олега стал вкрадчивым. - Заказчик всё оплатил. Отказ не принимается, я уже твои данные в договор вписал. Вылет послезавтра.

Я раздражённо бросила трубку, даже не попрощавшись.

Воттоваара. Гора Смерти, как её называют в путеводителях для любителей эзотерики. Скрюченные деревья, каменные сейды, ковры мхов. И естественно легенды о том, что там истончается грань между мирами.

- Не, ну а чё? Отличный план... - прошептала я сама себе.

- Поехать в самое мистическое место страны, когда у тебя в голове и так круглосуточное ток-шоу с того света. Класс!

Но я направилась к шкафу и вытащила походный рюкзак. Чувствуя как в голове нарастает едва слышимый гул. Как будто где-то очень далеко, в карельских лесах кто-то уже настраивал приёмник на мою волну...

Глава 2

Дорога до Воттоваары напоминала аттракцион «вытряси из себя душу». Внедорожник подпрыгивал на ухабах так активно, что я пару раз едва не пробила головой потолок. За окном мелькали сосны, кривые и перекрученные, будто их кто-то невидимый выжимал, как мокрое бельё.

Когда мы, наконец, затормозили у подножия, уже смеркалось. Воздух здесь был таким чистым, что с непривычки кружилась голова. А ещё здесь была тишина. Но не та уютная тишина пустой квартиры, а гулкая, напряжённая, словно я находилась в огромном зале ожидания, забитом людьми, которые затаили дыхание.

- О! Прибыла наша спасительница!

Ко мне трусцой бежал невысокий мужчина в нелепой панаме и жилетке с таким количеством карманов, что даже я позавидовала. За ним плёлся парень с недовольным сонным лицом.

- Профессор Ковалёв. Пётр Алексеевич, - представился мужчина, хватая мою руку и энергично её тряся. - А это Эдик, наш лучший аспирант и по совместительству жертва науки. Мы вас так ждали! У нас разлом! Скала буквально треснула пополам тысячи лет назад! И вот на глубине метров десяти на внутренней стене Эдик разглядел нечто невероятное!

Эдик уныло кивнул, потирая покрасневший от солнца нос.

- Татьяна, - представилась я, и Ковалёв близоруко прищурился.

- А по бабушке?

- Фёдоровна, - я не могла сдержать улыбки, глядя на них. Ну до чего же оторванные от мира люди!

- Сегодня уже поздно, поэтому мы поужинаем и отдохнём перед работой, - профессор взял меня под локоток, бросив через плечо: - Эдик, организуй ужин из наших стратегических запасов!

Лагерь археологов состоял из трёх палаток, обложенных камнями, чтобы не унесло ветром, и импровизированного стола из поваленного бревна. За ним сидел ещё один мужчина – высокий, худой, с обветренным лицом, покрытым морщинами.

- Розин Борис Васильевич, - поднявшись нам навстречу, представился он и с улыбкой добавил: – Чай уже заварен!

- Борис Васильевич у нас легенда. Проводник по этим мистическим местам, так сказать, - с уважением произнес профессор. - Он эту гору спинным мозгом чувствует!

Чай в алюминиевых кружках был чёрным, как душа моего бывшего, и отчётливо отдавал костром. Мне начинало здесь нравиться.

- Попробуйте вот эти, - Ковалёв пододвинул ко мне миску с конфетами «Коровка» и стопку бутербродов с сыром, тол-

щина которого намекала на глубокое уважение Эдика. - Сыр «Российский», хлеб «Бородинский». Всё своё! Родное!

Я вгрызлась в бутерброд, чувствуя, как внутри разливается приятное тепло. Безмолвие вокруг продолжало давить, но после горячего чая оно стало казаться... ну, почти дружеским.

- А вы знаете, Татьяна Фёдоровна, куда вы на самом деле приехали? - вдруг понизил голос профессор, и его очки блеснули в свете костра. - Эдик вот не верит. Считает, что это всё суеверия тёмных веков. Но местные саамы веками обходили Воттоваару стороной. Легенда гласит, что здесь границы между мирами истончаются до прозрачности папиросной бумаги... Некоторые места считаются чем-то вроде «двери». Мол, в определенные часы, когда солнце стоит под нужным углом, а у горы хорошее настроение, можно зайти в скалу в одном веке, а выйти... совсем в другом.

- И часто у вас тут пропадают люди, переходя в соседние эпохи? – с юмором поинтересовалась я, но по спине всё равно пробежал холодок.

- Официально нет, - профессор хитро мне подмигнул. - Но кто же вам правду скажет.

- Пётр Алексеевич, ну не начинайте опять, - простонал Эдик, закатывая глаза. – Татьяна Фёдоровна, не слушайте вы эти сказки.

- Ну, если я встречу там кого-нибудь из восемнадцатого века, обязательно передам привет, - хмыкнула я, потягива-

ьясь. – А если честно, я бы прилегла. Дорога вымотала.

- Конечно! Пойдёмте со мной! – профессор кивнул в сторону палаток. – У вас отдельное «жильё».

Ночь в карельском лесу оказалась для меня открытием. Воздух здесь был таким плотным от влаги и запаха прелой хвои, что его, казалось, можно было жевать. Сквозь тонкий брезент просачивались звуки, от которых слегка шевелились волосы на затылке. Где-то ухала сова, потрескивали сухие ветви под чьими-то лапами, иногда издавала жуткие звуки неясить.

Моё внутреннее «радио», которое обычно транслировало всякую чушь, вдруг выдало чистый белый шум. Как будто кто-то выкрутил ручку громкости на максимум, но забыл поймать волну. И я провалилась в сон.

...Мне снилось, что я стою на краю глубокого провала. Снизу из темноты поднимался туман. Он не просто стелился по земле, он тянулся ко мне жгутами, похожими на щупальца. Я хотела закричать, но крик застрял где-то глубоко в горле, лишая меня возможности дышать. Туман обхватил мои щиколотки и с рывком потянул вниз, в бездну, где на стенах горели пульсирующим светом какие-то знаки...

...Я подскочила, макушкой достав до купола палатки. По позвоночнику стекал холодный пот. Рванув молнию, я почти вывалилась наружу.

Утро показалось мне серым и неприветливым. Туман, который снился мне, никуда не делся - он лениво ползал между

палатками, цепляясь за корни деревьев. А у костра уже всю кипела жизнь. Археологи гремели посудой, громко разговаривали и пересмеивались.

- О, пробуждение титана! – широко улыбнулся профессор, увидев меня. Он выглядел так, будто проспал десять часов в пятизвездочном отеле, а не на твёрдой земле. - Каша почти готова! Кофе?

- Не откажусь... - проворчала я, ёжась от утренней прохлады.

Эдик, сидевший на бревне в обнимку с кружкой, посмотрел на меня с искренним сочувствием.

- Умывальник там, - он махнул рукой в сторону кустов. – Только вода очень холодная.

Я доплелась до умывальника, которым оказалась пятилитровая баклажка с отрезанным дном. Вода в ней была действительно ледяной. Зато остатки ночного кошмара она окончательно смыла, оставив после себя только неприятный осадок.

Когда я вернулась к костру, Борис Васильевич молча протянул мне миску с овсянкой, в которой плавал большой кусок масла.

- План такой: завтракаем и выдвигаемся к разлому. Солнце скоро должно немного разогнать хмарь.

* * *

Мы поднимались долго. Природа вокруг становилась всё более сюрреалистичной: камни-сейды, стоящие на тонких

ножках-валунах, и сосны, изгибающиеся так, будто они пытались

завязаться морским узлом. Тишина в голове стала почти невыносимой - «радио» замолчало. Но мне почему-то казалось, что это было затишье перед бурей.

Разлом возник внезапно. Огромная черная щель в гранитном теле горы, из которой тянуло могильным холодом и сыростью.

- Вон там, - Эдик посветил фонариком в темноту. - Видите?

Я подошла к краю и заглянула в бездну. Разлом был узким, метра полтора в ширину, но казался бездонным. Свет фонарика Эдика беспомощно тонул в густой темноте, едва выхватывая неровные края гранита. Там, в непроглядной глубине на стене действительно проступали какие-то ломаные линии, закрученные спирали, которые, казалось, шевелились в слабом луче света. Разобрать что-то было невозможно: скалы словно съедали изображение.

- Глубоко, - констатировала я. Внутри меня появился какой-то неприятный холодок. - Борис Васильевич, страхуйте.

Привычные движения по подготовке снаряжения немного успокоили. Щелчки карабинов, мягкое шуршание статической веревки, проверка обвязки... Я вбила анкер, проверила точку опоры и, сделав глубокий вдох, перевалилась через край.

Спуск был медленным. Я отталкивалась ногами от холод-

ной склизкой стены, и этот звук гулко разносился в замкнутом пространстве. Чем ниже я опускалась, тем сильнее становилось ощущение, что скалы сближаются.

- Татьяна Фёдоровна, как вы? - донёсся сверху приглушённый голос Бориса Васильевича.

- Нормально. Подхожу к зоне видимости, - ответила я, хотя «нормально» было последним словом, которое хотелось употребить.

Я включила мощный налобный фонарь. Свет ударил в стену, и я замерла... Петроглифы были прямо передо мной. Глубокие борозды в камне под прямым светом вдруг начали пульсировать тусклым багрянцем...

В этот момент моё внутреннее «радио» вдруг ожило. Я услышала нарастающий гул, похожий на звук приближающегося поезда. Камни вокруг завибрировали.

- Эй! Наверху! - крикнула я, чувствуя, как веревка начинает подозрительно дрожать. - Тут что-то...

Договорить я не успела. Стены разлома вдруг вспыхнули ослепительным синим светом, и пространство вокруг меня начало растягиваться, как резиновое. Последним, что я увидела, было испуганное лицо Эдика где-то далеко вверху. А потом меня с силой дёрнуло вниз и в сторону.

Гул в голове взорвался оглушительным звоном, и меня буквально всосало внутрь скалы.

Глава 3

1883 год. Гатчина. Резиденция Александра III

Обер-прокурор Святейшего синода Константин Петрович Победоносцев, привычно одёрнув свой китель, вошёл в кабинет императора. Александр Третий встретил его приветливо, что вызвало облегчение у политика, не понаслышке знающем не самый простой характер государя.

- Осмелюсь доложить, Ваше Император...

- Доложите, - благодушно перебил Александр. - Присяжайтесь, Константин Петрович. Разговор, как я понимаю, у нас намечается долгим, а в ногах правды нет. Что нового по нашему делу?

- Все факты проверены и перепроверены. Сомнений не остаётся. На вашего отца напали люди, одержимые бесами или кой-то иной нечистью. Изначально члены организации “Народ и воля” не планировали покушения, но, попав в лапы дьявольских сил, всё же решились на подобное злодейство.

- Это я и без вас знаю. Больше интересует, какие меры вы предприняли, чтобы подобная пакость по столице больше не расползалась... Ну, и по другим городам тоже. Что предприняла для этого ваша хвалёная “Священная дружина”? Уж больно много казённых денег мы тратим на её тайное содержание. Но, по слухам, в Санкт-Петербурге становится всё больше и больше необъяснимых явлений.

- Так и место Пётр Великий выбрал для столицы не самое простое, - попытался оправдаться Победоносцев. - Тут и языческие захоронения раньше были, и болота, хранящие в себе...

- Я знаю, на чьих костях стоит град Петров! - резко потерял терпение император. - И что теперь? С землёй его сравнивать, раз вы справиться не можете?

- Никак нет, Ваше Величество. Никак уничтожить нельзя. Но с прискорбием могу констатировать тот факт, что “Священная дружина” не пригодна для борьбы с бесовскими проявлениями. Почти все тайно собранные по всей стране и привлеченные к её работе чудодейственные старцы, медиумы и прочие говорящие с духами оказались либо невменяемыми дураками, либо первостатейными прохиндеями.

- Одних лечить, а других на каторгу! - прозвучал суровый приговор Александра. - Вас самого куда? К первым или ко вторым?

- Куда определите, туда со всем смирением и направляюсь, - вздохнул обер-прокурор. - Но осмелюсь доложить, что всё же и зёрна в этих плевелах обнаружить удалось. Без малого тридцать человек имеют в себе таланты. Слабенькие, правда. Если же приплюсовать к ним....

- Церковь не трогаем. У них свой пост, а у нас — свой.

- Как скажете, Ваше Величество. Я же считаю, что “Священную дружину” необходимо расформировать, оставив лишь небольшой тайный полицейских отряд. И... Я имел

сложнейший разговор с Митрополитом. Специально для этого в Москву ездил. Только вчера вечером вернулся. По всем статьям получается: не будет сильных способностей у тех, кто родился и живёт сейчас. Они как бы проявляются, конечно, но не в полной мере. Вот так бывает.

- Да что вы мнётесь, как красна девица! Константин Петрович! Раз уж откровенно говорим, то не держите камень за пазухой.

- Можно набрать необходимые кадры! - собравшись с духом, выпалил Победоносцев. - По роду своей деятельности я знаю о многих тайнах, которые светскому обществу знать не положено. В карельских лесах имеется несколько странных мест, объединённых в общее Место Силы. Оно соединяет прошлое, настоящее и будущее. И если на время оживить языческое Место Силы, то мы сможем из других времён привлечь души тех, кто справится с нечистью во всех её проявлениях.

- Интересно... - задумался Александр. - Прямо из прошлого чудо-богатырей вызовем? Илью Муромца да Добрыню Никитича?

- Прошлое Митрополит категорически запретил трогать. По его мнению, нельзя людей, когда-то грехов набравших, снова оживлять. Бог дал, Бог взял. Обратно только Сатана из Преисподней всякую нечисть возвращает. Нужно смотреть в будущее. На души, которые в нашем времени нагрешить не успели. Именно такие лучше всех будут чувствовать диа-

вольские козни.

- И кто же к нам придёт? Сколько воинов? И как они найдут дорогу к вашему Месту Силы?

- Того никто не ведает. Но встретим, приветим и к службе подготовим. Монастыри примут избранных. А как найдут дорогу? Избранных путь сам отыщет. Остаётся лишь довериться ему.

- Чудно... Обещаете, что это будут не очередные самозванцы, а хорошие бойцы, чующие нечисть?

- Ваше Величество. Пока в деле не увидим, не узнаем. Но по мне, такой шанс упускать не стоит. Вы не представляете, насколько Митрополит был раздражён тем фактом, что я предложил на время оживить древнее место, существовавшее ещё до волхвов-многобожников. Лучше поторопиться с решением, государь. А то ведь Митрополит и передумать может.

- Действуйте, Константин Петрович! - словно шашкой рубанул ладонью воздух Александр. - И смотрите! На этот раз не подведите меня!

Уже через неделю в глухих карельских лесах ночью, при полной луне, группа монахов ходила по мягкому мху, ковром покрывающему старые гранитные плиты с выбитыми богопротивными фигурками.

Неистово крестясь, служители Господа в одних только им понятных местах втыкали в землю странные, почти истлевшие от времени дубовые колья с нанесёнными рунами давно

ушедшей цивилизации. Ох, и святотатство — пользоваться реликвиями забытой веры! Но против сил Преисподней любые средства хороши... И милостивый Господь простит это прегрешение своим верным сынам.

* * *

Первое, что я почувствовала — это тепло. Странное, обволакивающее и подозрительно мягкое. А вторым пришёл запах. Густой, ядрёный, такой, что закружилась голова.

Я открыла один глаз. Прямо перед моим носом торчала соломинка, застрявшая в чем-то коричневом и влажном. Я пошевелилась, и вокруг меня зачавкало.

- Ну, зато не разбилась, - прохрипела я, пытаюсь осознать, почему мне так холодно в районе спины.

Подняв голову, я поняла две вещи. Первое: я лежу в мону-ментальной, поистине королевской куче навоза посреди какого-то старого хлева. Второе: на мне нет ничего. Совсем. Ни термобелья, ни обвязки, ни даже карабинов. Только я и «продукт жизнедеятельности» местных парнокопытных.

- Окстись, дева, не барахтайся так, а то ведь всё добро расплещешь! - раздался сухой ироничный голос откуда-то сверху.

Я вздрогнула и попыталась развернуться, насколько это позволяла моя нынешняя «колыбель». У края кучи стоял невысокий старичок. На вид - чистый монах-отшельник: седая бородка клинышком, какая-то дерюга вместо рясы, а глаза хитрые-хитрые, как у кота, укравшего сметану.

- Добро пожаловать, краса! - дедок приподнял седую бровь. - Ишь, как лепо явилась. Прямо с неба, да в самое золото.

- Где я? – прошипела я. Мне вот вообще было не смешно. - И где моя одежда?!

Он протянул мне край своего посоха, продолжая посмеиваться в бороду. - Да Бог его знает, милая. Заблудиша ризы твои в путие сем, аки овца от стада, - хмыкнул старец. И мне показалось, что он издевается. – А ты не кривись, не кривись! Лошадки у нас справные, овёс едят чистый. Говно, оно, девка, лекарство первейшее! Коли кожа морщинами покрылась - разгладит, коли мысли дурные - мигом выветрит. Гляди, как дух-то бодрит! Ты в нём, аки жемчужина в оправе. Ну, вылазь давай, не то затянет - не откопаем.

- Цепляйся, Татьяна. Давай, милая.

Я ухватилась за посох, как за спасательный круг. С противным чмоканьем куча, наконец, отпустила меня, и я выбралась на относительно твердь. Стоять босиком на холодном полу было неприятно, но стоять абсолютно голой перед хихикающим монахом было еще хуже. Я инстинктивно сжалась, пытаюсь прикрыться руками.

- Ну, ну... Чего я там не видел... Сейчас всё смоешь, и ладно будет... - он подошёл к стене и снял со ржавого крюка огромный заскорузлый холщовый мешок. - На вот, держи. Вон серп: дыру для головы прорежь да надевай. Мужики у нас здесь народ простой, небалованный. Коли увидят такую

голопузую, что будет? Неча им на прелести твои смотреть, грех один.

Я дрожащими руками схватила серп. Острое лезвие легко распороло грубую ткань, и я просунула голову в дыру, чувствуя, как мешковина нещадно царапает кожу.

Боже... от меня несло так, что даже жирные мухи уважительно облетали меня по широкой дуге. В голове билась одна единственная мысль: «Где, чёрт возьми, я нахожусь?».

Может, меня спасли? Упала в расщелину, ударилась головой... Спасатели МЧС, героические ребята, вытащили меня, погрузили на вертолет...

Стоп.

Я оглядела свои босые ноги. И что дальше? Допустим, спасатели меня вытащили... Ага. И по дороге стащили всю одежду, включая нижнее бельё? А потом сбросили меня с вертолета прямиком в кучу конского дерьма? Это что: новый протокол первой помощи?

Я хмыкнула.

Вторая версия была хуже: я в коме. Или умерла.

Пришлось снова прислушаться к своим ощущениям. Мешковина кололась немилосердно, в пятку впился какой-то камешек, а от холода я начала покрываться гусиной кожей. Хрена с два. Живее всех живых.

Дед продолжал наблюдать за мной, не пряча улыбки.

- Дедуль, а где я нахожусь? - осторожно поинтересовалась я. - Что это за деревня?

- Это не деревня, милая, а скит отца Зосимы, - ответил он, кивая на выход из сарая. - Пойдём.

Мы вышли на улицу, и я невольно зажмурилась. После полумрака в сарае солнце ударило по глазам. Но когда я привыкла к свету, изумлённо огляделась. Вокруг расстилась невыносимая, почти глянцевая красота... Вековые сосны, упирающиеся верхушками в пронзительно синее небо, изумрудная трава... Воздух был такой густой и вкусный, настоящий на хвое и смоле, что его хотелось есть ложкой.

Дедок завернул за угол. Я шагнула за ним, и мои глаза полезли на лоб. Что это? Реально скит? Или декорация к высокобюджетному историческому фильму? Крепкие бревенчатые, потемневшие от времени срубы, резные крылечки и наличники окон, аккуратные дорожки, посыпанные песком. В центре поселения возвышалась небольшая деревянная церквушка с луковками куполов, покрытыми лемехом, который серебрился на солнце, словно чешуя гигантской рыбы. Но когда я увидела обитателей скита, моя челюсть опустилась ещё ниже. Здесь проживали молодые крепкие мужчины. Один, с закатанными рукавами подрясника, рубил дрова, играя литыми мышцами так, что любой фитнес-тренер удавился бы от зависти. Другой, высокий, с благородной окладистой бородой, вылитый викинг, нёс вёдра с водой. Третий здоровяк что-то тесал топором... Ещё несколько монахов работали на грядках.

Твою ж мать... Это что: кастинг в модельное агентство

«Святая Русь»?

И тут в голове со щелчком сложился пазл. Ну конечно! Секта!

Типичная закрытая тоталитарная секта в глуши. Набирают молодых, здоровых, красивых, отрезают от мира, заставляют пахать на натуральном хозяйстве и молиться колесу от телеги.

Паника холодным ужом зашевелилась в животе. Я слышала о таких местах. Там обычно есть «Учитель» или «Отец». Какой-нибудь харизматичный гуру, который сидит в главном тереме, пьет квас и владеет гаремом из новообращенных дурочек. Мать Божья... Сейчас меня отведут к главному, отмоют, нарядят в белый балахон и заставят ублажать Его Святейшество во имя просветления нижних чакр.

- Чего застыла, аки столб соляной? - окликнул меня дед, хитро прищурившись. - Али приглянулся кто? Ты губу-то не раскатывай, тут народ смирный, молитвенный. Божий!

- Слышь, дедуль, - я притормозила. - А кому молитесь-то? Богу Кузе? Или... как там его... Зосима?

Я не успела договорить. Дед, который секунду назад выглядел безобидным божьим одуваном, вдруг побагровел, раздул ноздри, и его посох со свистом рассёк воздух. Удар пришелся точно по тому месту, где заканчивается спина. Меня словно огнём обожгло. Мягкое место загорелось так, что я подпрыгнула.

- Я тебе дам «Кузю» ехидна вавилонская! – старик снова

замахнулся. - Ты погляди на неё! Язык, что помело! Гля тлетворная! Срамница бесстыжая! А ну, марш вперёд, пока я тебе ещё ума через седалище не вложил! Отец Зосима - это я!

Я понеслась по тропинке, стараясь держаться от деда на расстоянии. Секта сектой, а синяк будет реальный. И судя по тому, как горела моя многострадальная задница, «просветление» пришло ко мне самым прямым физическим методом.

Монахи явно оценили перфоманс. «Викинг» с вёдрами даже не сдерживался: его плечи тряслись от беззвучного смеха. Дровосек, опершись на топор, провожал меня заинтересованным взглядом и откровенно зубоскалил. Даже какой-то совсем юный послушник, пропалывающий грядку с капустой, поднял голову и прыснул в кулак.

Злость закипала во мне, как вода в чайнике. Ничего... сейчас я приведу себя в порядок, а потом вы меня только и видели!

- Стой! Тпр-р-ру, оглашенная! – окликнул меня дед и ткнул скрюченным пальцем на дверь небольшой избушки. – Прибыли! Вот баня. Иди омойся!

Я резко затормозила перед вросшим по самую землю домишком, из щелей которого чуть тянуло дымком. Толкнула тяжёлую, сколоченную из толстенных досок дверь и буквально ввалилась внутрь. Первым делом нашарила на двери засов и задвинула его.

Внутри было темно и жарко. Единственным источником

света служило крохотное оконце под потолком. Воздух здесь был плотный, влажный, пахнувший берёзовым листом, золой и распаренной древесиной. Когда глаза привыкли к полумраку, я огляделась. Всё сурово, по-мужски. В углу громоздилась печь-каменка, рядом стояли деревянные кадки с водой, от одной из которых валил пар. Вдоль стен тянулись широкие лавки, отполированные до блеска чьими-то задами за долгие годы. На полках лежали веники, бруски тёмного мыла, а на гвоздике висела жёсткая мочалка из лыка. Рядом белела чистая рубаха.

Я стянула с себя мешок, подошла к бочке, зачерпнула воду деревянным ковшом и плеснула на лицо. Господи, какое блаженство. После чего облилась полностью и, намылившись, начала яростно тереть кожу мочалкой до красноты, до боли, словно пытаюсь содрать с себя этот безумный день.

Сейчас приведу себя в порядок и разберусь, что это за место и как отсюда выбраться.

Глава 4

Я сняла с гвоздя рубаху и натянула на себя. Она была длинной — до самых щиколоток, из сурового полотна. На ноги натянула чуни, найденные у лавки, нечто вроде тапочек из мягкой, отлично выделанной кожи. Обувь села как влитая.

- Странно, - прошептала я, оглаживая грубую ткань. - Рубаха явно женская. Для кого её здесь приготовили? Точно секта!

На подоконнике лежал деревянный гребень, и я принялась распутывать им свои колтуны. А потом увидела небольшое запотевшее зеркало в потемневшей оправе, приткнувшееся на стене у двери.

Я провела ладонью по стеклу, стирая капли пара. Из глубины зеркала на меня взглянула женщина. Это была я. Определённо я. Те же скулы, тот же подбородок, та же небольшая горбинка на носу... Но что-то неуловимо изменилось. Лицо казалось чище, мои обычные серые глаза сейчас горели каким-то нездешним светом, их цвет стал насыщенным, как предгрозовое небо. А волосы? Вечное «сено», которое я обычно затягивала в тугий узел или хвост, сейчас рассыпалось по плечам тяжёлым густым водопадом, переливаясь медью и золотом даже в тусклом свете бани.

Но самое главное – шрамы! Я машинально коснулась вис-

ка. Там, под волосами всегда был рваный шрам от той самой детской травмы. Он был моей картой памяти, напоминанием о коме. Я провела пальцами по коже. Гладкая... Абсолютно гладкая.

Мне нужны ответы. Срочно. Сейчас же!

Я решительно толкнула дверь и вышла из бани.

Отец Зосима сидел на длинной скамье у входа, сложив сухие ладони на набалдашнике своего сучковатого посоха и опершись в них подбородком. Я пристроилась рядом и замялась, подбирая слова:

- Дедуль... Какой сейчас год?

- От сотворения мира-то? - старик медленно повернул ко мне голову. - Или от Рождества Христова? Коли, по-вашему, по-светскому... тысяча восемьсот восемьдесят третий, милая.

Мир вокруг меня на мгновение качнулся.

- Что? Да этого просто не может быть...

- Знаю, знаю, что не веришь, - мягко, почти ласково перебил он. И в этом было что-то пугающее. - Ничего... всё придёт. И разум смирится, и душа привыкнет. Всё устроится, Татьяна. А сейчас пойдём, — он тяжело поднялся, опираясь на посох. - Тебя важный человек ожидает. Заждался уже, поди.

- Какой ещё человек? – настороженно поинтересовалась я. Старик только хмыкнул, не оборачиваясь:

- Иди, не егози.

Мы подошли к дому, который стоял чуть поодаль от остальных, и отец Зосима мягко подтолкнул меня в спину:

- Иди, дочка. Тебе туда.

Я поднялась по ступеням и, еле сдерживая дрожь, вошла внутрь. В почти пустой комнате у окна стоял мужчина в чёрном сюртуке. На фоне грубо отёсанных бревенчатых стен его фигура казалась вопиющим диссонансом. Он медленно обернулся. Немолодой, с печатью канцелярской бледности на лице и комично оттопыренными ушами, он напоминал классического «человека в футляре». Серый, незаметный функционер, идеальная шестерёнка бюрократической машины. Но стоило незнакомцу посмотреть на меня, как эти иллюзии рассыпалась в прах.

В его глазах жила власть. Абсолютная, холодная, как вечная мерзлота. Казалось, что мужчина не просто смотрит на меня, а считывает информацию, сортирует факты и складывает в незримую папку своего разума.

- Кто вы? – я настороженно наблюдала за ним.

Незнакомец направился ко мне. Движения его были скупыми, лишёнными суеты. Он склонил голову с какой-то леденящей душу отстранённостью.

- Разрешите представиться. Обер-прокурор Святейшего синода и личный порученец Его Императорского Величества Александра Третьего. Действительный тайный советник Константин Петрович Победоносцев.

- Очень приятно, - в моей голове была настоящая каша.

Порученец Его Императорского Величества? Что за игры здесь ведут эти люди? Может, типа тех, кто бегают по лесам, представляя себя эльфами? Я не сдержала смешка. – Я - Татьяна из будущего.

- Вам кажется, что это нелепая шутка? Мистификация? – понимающе улыбнулся Победоносцев. – Присаживайтесь, Татьяна. Сейчас всё обсудим.

Он указал мне на стул, стоящий у грубо сколоченного стола, и я послушно присела. Как бы мне ни хотелось держаться за свою версию, интуиция кричала, что происходящее реально.

Победоносцев остановился прямо у меня за спиной. Затылок стало покалывать.

- Вы здесь не просто так, Татьяна. Можно сказать, ради вас... и таких, как вы, само мироздание было подвергнуто своего рода хирургическому вмешательству. Вас выдернули из вашего «завтра» и поместили в наше «сегодня». Это потребовало колоссальных усилий... Вы должны послужить империи.

Я медленно повернула голову и встретилась с его пристальным взглядом.

- Послужить империи? Вы серьёзно? И когда это я ВАМ задолжала?

- Более чем серьёзно, - обер-прокурор чуть наклонился, его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от моего. - Нам нужны те, кто видит больше, чем обычный обыватель. Те,

чей разум настроен на иную частоту. Скажите, Татьяна... какие у вас есть необычные способности?

- Никаких, - я пожалала плечами, отворачиваясь от него.

В голове стояла звенящая, почти пугающая тишина. Моё «радио» молчало. Но вываливать все подробности своей биографии, включая диагнозы и галлюцинации, этому человеку я не собиралась.

Победоносцев издал короткий сухой смешок.

- Скромность - добродетель, но в вашем случае она неуместна, барышня, - его голос прозвучал прямо над моим ухом.

- Вы ошибаетесь, Константин Петрович. Я обычный человек.

Обер-прокурор ничего не ответил. Я слышала только его ровное дыхание за своей спиной. А потом раздался шёпот. Тихий, хриплый, наполненный такой нечеловеческой обидой, что у меня перехватило дыхание.

- За что он меня так? Я же хотел корову украсть, чтобы дети не голодали...

Чего? Что он несёт?

- Обухом по голове... Не вижу ничего... кровь глаза застит... Помогите... Расскажи всем... Меня убил...

- Вы в своём уме?! Какая корова?! Кто кого убил?! - я резко развернулась. Победоносцев стоял в двух шагах от меня. В его правой руке был деревянный крест на обрывке верёвки. А на губах играла насмешливая улыбка.

- Я ничего не говорил, Татьяна. Этот крест был снят с убитого крестьянина три дня назад в соседней губернии. Жан-дармам так и не удалось найти свидетелей. Я лишь убедился, что вы обладаете даром говорить с мёртвыми. Так что придётся вам сотрудничать с нами. Обратное вернуть вас уже никто не сможет.

Победоносцев спрятал деревянный крест в карман своего сюртука.

- Поймите свою ситуацию правильно, барышня... У вас нет выбора. В этом мире вы никто. У вас нет имени, нет семьи, нет документов, подтверждающих ваше существование. Любой городской сочтёт вас бродяжкой или, что еще хуже, душевнобольной.

Он замолчал, давая мне возможность прочувствовать перспективу. А я смотрела на свои руки, лежащие на коленях. Чистая кожа, никаких шрамов. Я была физически совершенна и абсолютно беззащитна.

- Вы же не хотите остаться без поддержки в мире, который к вам не просто чужд, а враждебен? - мягко, почти по-отечески продолжил обер-прокурор. - Под моим личным покровительством вы получите всё: кров, защиту, статус. Взамен я прошу лишь об одном - чтобы ваш дар работал на благо престола.

- А если я откажусь? – я с вызовом взглянула на него.

Победоносцев позволил себе едва заметную усмешку.

- Татьяна, вы только что вышли из бани в одной исподней

рубаше. Вы не знаете ни дорог, ни людей, ни того, что за пределами этого скита вас ждёт патруль, который подчиняется лично мне. Выход отсюда только один - в новую жизнь. Или в небытие. Вы умная женщина. Сделайте рациональный выбор.

Глава 5

Я смотрела в его холодные умные глаза и чувствовала, как внутри щёлкает невидимый тумблер. Все эмоции нужно упаковать в герметичный контейнер и задвинуть подальше. Оставить только логику.

Победоносцев загнал меня в угол. И сделал это мастерски. Если, конечно, я не витаю в своих больных фантазиях и всё происходящее реально... В чём я ещё продолжала сомневаться. Спорить с этим человеком сейчас - это как пытаться остановить лавину. Бесплезно и смертельно опасно. Значит, нужно сделать рациональный выбор.

Скажу «нет», моя биография в этом времени закончится, не успев начаться. Меня либо убьют, либо, что вероятнее, упекут в жёлтый дом. Победоносцев прав. Я никто. Меня нет. Но он сказал, что меня выдернули ради какой-то там службы. Значит, я - ресурс. А ими, ресурсами не разбрасываются, если они работают исправно.

Я медленно выдохнула, расслабляя сжатые кулаки. Гордость - роскошь, которую я не могла себе позволить. У меня сейчас имелась одна задача - выжить.

- Я принимаю ваши условия. Не потому, что горю желанием спасти Империю, а потому, что у меня нет выбора.

Победоносцев едва заметно кивнул, и его улыбка стала чуть менее хищной.

- Отлично, Татьяна Фёдоровна.

- И что дальше? - спросила я, глядя, как он разглаживает невидимые складки на сюртуке. - Выдадите мне табельное оружие, казённый паёк и отправите ловить призраков по подвалам Петербурга?

- Шутите... Это хорошо... - хмыкнул обер-прокурор. - Вы останетесь здесь. В скиту. Вам нужно пройти науку.

- Какую ещё науку? – я вскинула на него настороженный взгляд.

Победоносцев прошёлся по комнате, заложив руки за спину.

- Прежде чем выпустить вас в пир и мир, надобно привести в соответствие с эпохой. Вы говорите странно, двигаетесь резко, смотрите дерзко. В приличном обществе вас через пять минут примут за сумасшедшую или беглую каторжанку. Вас нужно учить даже манерам, милая барышня. Как держать спину, как говорить...

Он остановился и посмотрел мне прямо в глаза. На секунду в его взгляде промелькнуло что-то похожее на сочувствие.

- Не легко вам придётся... Но самая главная задача - помочь управлять вашим даром. Вы ведь не хотите, чтобы каждый неупокоенный крестьянин использовал вашу голову как исповедальню? Здесь научат вас ставить заслоны.

- А если я не хочу учиться у монахов? - буркнула я, понимая бессмысленность вопроса.

- Это не обсуждается, - отрезал он. - Ну и, разумеется,

иноки сами решат, какие ещё дисциплины вам понадобятся для укрепления духа. Труд облагораживает, раба божья Татьяна. А послушание лечит гордыню. Считайте это курсом молодого бойца.

Победоносцев чуть поклонился и вышел, даже не оглянувшись. Дверь за ним захлопнулась с таким звуком, словно забили последний гвоздь в крышку моего гроба. Прошло не больше минуты, прежде чем снова скрипнули петли. На пороге возник отец Зосима.

- Пойдём, кельюшку покажу, милая.

* * *

Меня поселили в крошечный сруб на отшибе. Внутри было пусто и чисто: узкая деревянная лежанка с жёстким тюфяком, грубый стол, колченогий стул и окованный железом сундук. В углу белела печь, пахнувшая свежей побелкой. А ещё тишина, прерываемая лишь негромким перезвоном колоколов и шорохом сосен за окном.

Первые дни я жила в каком-то полубреду, ожидая, что вот-вот откроется дверь и войдут санитары. Но никто не приходил. Только молчаливый послушник приносил еду - постную кашу и хлеб. И так же молча уходил, не глядя на меня. Постепенно страх сменился осознанием, что это не декорации. Я действительно в чужой реальности.

За мной пришли на пятый день. Серым промозглым утром. Послушник жестом велел следовать за ним. Мы шли по влажной траве к деревянной церквушке, и туман лип к

телу, как мокрая марля.

Внутри пахло ладаном, сквозь узкие оконца едва пробивался свет, выхватывая из полумрака строгие лики святых, смотрящих со старинных икон. Отец Зосима стоял перед аналоем. В полутьме его фигура в черной рясе казалась маленькой и сухой. Он медленно повернулся на звук шагов.

- Ну, здравствуй, милая, - его голос заполнил небольшое пространство церкви, отражаясь от бревенчатых стен. - Вижу, смирилась душа твоя немного. Пришла пора науку принимать. Ибо дар твой - ноша тяжкая, и без узды он тебя в пропасть утянет.

Монах не стал ждать моего ответа. Он развернулся и, шурша рясой, направился к выходу. Я поплелась следом.

Наш путь лежал за пределы пустыни. Под ногами, словно огромная губка, чавкал мох, напитанный влагой. Из-под земли выглядывали огромные валуны, поросшие лишайником. Пахло хвоей и грибной сыростью. Туман здесь не стелился. Он висел плотными клочьями, цепляясь за корни стройных корабельных сосен, уходящих верхушками в серое низкое небо. Отец Зосима шёл уверенно, не оглядываясь, его узкая спина то и дело пропадала в молочной дымке. А вскоре я почувствовала знакомый зуд в затылке. Шум в ушах, похожий на помехи радиоэфира, начал нарастать. Я потёрла виски, но это было бесполезно: источник был снаружи. Деревья расступились, и из тумана выплыл невысокий частокол. За ним торчали потемневшие от времени деревянные кресты.

- Это кладбище скита, - монах повернулся ко мне. – Слышишь их?

Я огляделась. Могилы здесь были старые, некоторые кресты покосились, почти легли на землю, укрытые одеялом из папоротника и черничника. Каждое надгробие фонило. Сотни голосов, обрывки мыслей...

- У меня начинает болеть голова, - процедила я сквозь зубы, прижимая ладони к вискам. – Это невыносимо!

Отец Зосима остановился у старого потемневшего креста, заросшего мхом.

- А ты всех не слушай, - спокойно, без тени жалости произнёс он. - Выбери одного, а остальных выгони из своей головы. Попроси вежливо или прикрикни, ежели не поймут.

Я не выдержала и криво усмехнулась.

- Выгнать? Как? Это невозможно.

Монах медленно повернулся ко мне.

- Да как же невозможно? - он по-доброму прищурился. - У меня ведь выходит.

- Вы тоже слышите их? – изумлённо поинтересовалась я. – Голоса?

- Слышу. Давно слышу. Еще когда при государе Николае Павловиче в полку служил, начал различать. Сначала-то тоже думал: ум за разум зашёл, бесы кружат. А потом прино ровился. А ежели не хочу слушать, ежели устану от гомона ихнего... глаза закрою, представлю дверь. Крепкую такую дверь, дубовую, с хорошим засовом. Открою ее в мыслях и

говору: «Идите, люди добрые, не время сейчас. По домам идите. Как позову, так и вернётесь.». И засов задвигаю!

- И что, уходят? – недоверчиво спросила я.

- Уходят. Куда им деваться? Ты ими командуй, Татьяна. Ты хозяйка своего разума, а не они. Можешь даже словечко матерное применить. Не любят «гости» их. Ох, как не любят... Корёжит их от ядрёного слова, сразу интерес к твоей персоне теряют. Покойники ведь они как дети малые или как пьяные из кабака: лезут напролом туда, где дверь не заперта, – отец Зосима наставительно поднял сучковатый палец вверх. - Оно конечно, Господь сквернословов не жалуется... Сидит там наверху, запись ведёт: кто сколько раз чёрта помянул. Но ты, дочка, делай так: ежели без матерщины никак не выгоняются, ты их приложи как следует, а потом сразу: «Господи помилуй.». Вроде как меру соблюдаешь. Покойникам - в лоб грешным словом, а Творцу - покаяние. Давай-ка, попробуй.

Я закрыла глаза. Перед внутренним взором заплясали пятна. Попробовала представить дверь. Сначала появлялась какая-то пластиковая, хлипкая... Тогда я вызвала в памяти тяжёлую сейфовую дверь из банка с кодовым замком.

«Так! Все вон! Пошли отсюда к чертовой матери!»! – мысленно скомандовала я. А потом приложила таким речевым оборотом, что даже у меня загорелись уши.

Я представила, как эта стальная махина медленно поворачивается на петлях, выталкивая серый туман чужих мыслей

наружу, и с лязгом встает в пазы. Бам.

И вдруг наступила тишина.

- Ого, - протянула я, приоткрыв один глаз. - Кажется, сработало.

- То-то же, - старец легонько похлопал меня по плечу. - Видишь, вон там, у края оврага, холмик свежий? Пойдём, поздороваемся...

Но познакомиться с первым послушным покойником мне не удалось. Раздался хруст веток под чьими-то быстрыми шагами. И из тумана, как привидение, вынырнул молодой послушник.

- Отец Зосима! - задыхаясь, выдавил он. - Там из Петербурга прибыли...

- Кто именно, Нифонт? - сухо спросил старец.

- Господин Северский, Дмитрий Александрович! — выдохнул послушник, утирая пот со лба. - Велели передать, что дело частное, но отлагательств не терпит.

- Пойдём-ка, милая, - монах кивнул в сторону скита и тихо добавил: - Высокий чин пожаловал. Опосля продолжим. Брат Нифонт, отведи Татьяну в келью. Да веди задворками, мимо ледника и старой поленницы, чтобы гость её и краем глаза не зацепил. Если он почует жиличку нашу, хлопот не оберёмся. У него нюх на таких, как она, острее, чем у волка.

Нифонт закивал и поманил меня за собой. Мы пошли какими-то буераками, продираясь сквозь колючий кустарник. Но я не была бы собой, если бы послушно выполняла, что

мне скажут. Когда мы огибали хозяйственный двор, я заметила щель в высоком частоколе. И, нагнувшись, чтобы «вытряхнуть башмак», прильнула к ней.

У крыльца той самой избы, где я познакомилась с Победоносцевым, стояла чёрная карета. А рядом с ней — мужчина. Он был высок и по-мужски изящен, но это не была хрупкость изнеженного петербургского денди. Под превосходно скроенным сюртуком из тонкой шерсти угадывался мускулистый торс. Лицо «высокого чина» казалось высеченным из холодного мрамора. Слишком правильные, резкие черты, высокие скулы и прямой, как лезвие ножа, нос. В этой красоте было что-то жутковатое, отталкивающее и одновременно магнетическое. Так смотрят на глубокий омут, зная, что там нет дна, но не имея сил оторвать глаз. Густые тёмные волосы, чуть растрёпанные северным ветром, открывали высокий лоб с красиво изогнутыми бровями.

Но меня задела даже не его необычная внешность, а скорее энергетика, которая чувствовалась на расстоянии. От мужчины исходила странная тяжёлая вибрация... какая-то концентрированная ледяная сила... Тёмная энергия, которую он даже не пытался скрывать, была по моим рецепторам сильнее, чем всё кладбище скита вместе взятое.

Северский вдруг замер и слегка повернул голову в сторону забора. Я физически ощутила, как его взгляд, словно невидимый луч, скользнул по доскам.

- Идём же, праздно любопытная! - шикнул Нифонт, дёр-

гая меня за рукав.

Я отпрянула от щели, чувствуя, как внутри всё дрожит. Этот человек — хищник высшего порядка... И что-то мне подсказывало, что наши пути ещё не раз пересекутся.

Глава 6

Это утро выдалось на редкость ясным. Солнце заливало всё пространство вокруг ослепительным светом, от которого старые стволы сосен казались отлитыми из меди.

Мы с отцом Зосимой шли по узкой тропе, ведущей к старому погосту. Роса на высокой траве ещё не сошла. Подол моей рубахи быстро потяжелел, намокнув и неприятно холодя щиколотки. Но я почти не обращала на это внимания. Солнечные лучи пробивались сквозь густые лапы елей, высвечивая в воздухе мириады пылинок.

- Отец Зосима, а кто этот человек, что приезжал вчера? – осторожно поинтересовалась я. Мне просто необходимо было знать.

- Гляди, милая, - старец приостановился, щурясь на солнце, и указал посохом на открывшуюся впереди поляну с серыми, вросшими в землю крестами. - Божий мир светел, да только тени в нём оттого лишь гуще. Солнышко-то — оно всех согревает: и праведника, и того, в ком тьма родовая живёт.

Монах тяжело вздохнул, и блики света, подчеркнув каждую морщинку, сделали его лицо похожим на ожившую икону.

- Ну, слушай внимательно, что это за человек. Чтобы впредь не любопытствовала без нужды. Дмитрий Алексан-

дрович Северский. Тайный советник. Ты из мест далёких, и чины наши тебе, верно, в диковинку. Служит он в Департаменте полиции. Служба его касается высших интересов государства — заговоров в министерствах или преступлений, о которых в газетах писать запрещено... Но есть в Северском сила, не только государством данная. Род его, Татьяна, древний и страшный. В народе о таких говорят: «чернокнижники». В жилах Северских течёт сила, которую они веками копили, да только не от света она. Ему по наследству достался «дурной глаз». Одно его слово, сказанное в гневе, может иссушить человека или лишить того рассудка. А ещё он владеет мороком: умеет затуманить взор так, что ты и не поймешь, где явь, а где его воля. Дмитрий Александрович не творит зла ради забавы, нет... Он человек чести, по-своему справедлив и церкви помогает щедро. Колокола, ризы, приюты — всё на его средства. Но я-то вижу: замаливает он. Чует на руках своих кровь и ту тьму, что внутри него ворочается. Почему я велел тебе прятаться? Северский, как гончая, чует себе подобных. Тех, у кого искра есть. Или, как у тебя, дар слышать то, что за гранью.

- А зачем он приехал к вам? – у меня по позвонку пробежали мурашки.

- У каждого своя Голгофа, дитя, - уклонился от прямого ответа отец Зосима. – Хватит о нём. Ты своё дело делай.

* * *

Это время не прошло даром: мудрый старец Зосима со

всем тщанием выполнял приказ Победоносцева. Я научилась не просто захлопывать дверь перед мертвецами, но и приоткрывать её ровно настолько, чтобы выцепить нужного «собеседника». Однако, если с мистикой всё шло гладко, то физическое воспитание давалось кровью. По распоряжению отца Зосимы за меня взялся инок Феофан, бывший унтер-офицер, с кулаками размером с хорошую тыкву и взглядом человека, видевшего ад. Прошло полгода. Полгода, за которые я окончательно попрощалась со своей прошлой жизнью.

- Враг не будет ждать, пока ты с покойниками беседы станешь вести, раба Божья Татьяна, - смеялся он, заставляя меня снова и снова отрабатывать удары и уходы от них.

Я была ходячим атласом гематом. Синяки на рёбрах, выбитые пальцы, вечно содранные костяшки. Феофан не делал скидок на мой пол. Он учил меня «грязному» бою: как ткнуть пальцем в глаз, как сломать кадык ребром ладони, как использовать подол собственного платья, чтобы запутать ноги противника. Я ненавидела его в моменты тренировок, но по ночам, растирая мазью очередное растяжение, понимала: в этом мире без таких навыков мне просто не обойтись.

А потом меня учили «манерам». О, это была отдельная пытка!

Старая монахиня Аглая, которую в мужской скит в виде исключения прислали из города, муштровала меня французскому и этикету. Я учила спряжения глаголов, пытаюсь не со-

рваться на матерный русский, когда изящные фразы не лезли в голову. Реверансы в моём исполнении выглядели как приступ эпилепсии. Аглая заставляла меня часами ходить с книгой на голове и вести светские беседы о погоде и вышивке, в то время как под корсетом у меня зудели ссадины от уроков Феофана. Это был сюрреализм: утром я училась избивать людей, а вечером - правильно держать веер и обсуждать Гюго.

Но всё закончилось в конце февраля.

Снега навалило столько, что избы вросли в сугробы по самые окна. Мороз стоял такой, что каждый вдох впивался в лёгкие ледяной иглой. Небо висело свинцовым, низким давящим куполом, готовым выдать новую порцию ледяной крупы.

В один из таких вечеров, когда ветер завывал в трубе, как стая голодных волков, отец Зосима позвал меня. Он сидел у печи, сложив руки на коленях.

- Пора, милая, — сказал он тихо, не глядя на меня. — Завтра ты отправляешься в Петербург. Там присягнёшь служить Империи не жалея живота своего.

Слова Зосимы “ударили под дых”. Нет, я знала, что это когда-то случится. Но сейчас мне казалось, что меня выбрасывали в чужой мир, в пасть к империи, которой я была должна по праву своего дара. Я не выдержала. Опустившись на колени у ног отца Зосимы, просто зарыдала: горько, по-детски, уткнувшись лицом в жёсткую ткань его рясы, выплёски-

вая свои мысли, страхи, эмоции, скопившиеся за часы бессонных ночей. Старец не отстранился. Сухая тёплая ладонь легла мне на голову. Он гладил меня, как маленькую. Голос в полумраке кельи звучал удивительно мягко:

Утро встретило меня суетой. На на лавке в келье лежал добротный дорожный костюм из тёмно-синего сукна, отороченный мехом, и кожаный саквояж. Внутри, аккуратно сложенное, ждало своего часа платье для присяги. Сопроводить меня назначили инока Нифонта.- Ну-ну, полно тебе, дитя... Не плачь. Господь не даёт ноши не по силам. А ты сильная... В тебе стальной прочности больше, чем в десяти мужчинах. Ты там не одна будешь: я за тебя молиться стану каждую минуту. Помни, чему училась. Дверь в голове держи на замке... А теперь иди, деточка, поспи. Завтра начнётся твой настоящий путь. ***

Путь до Петербурга превратился в бесконечное белое море. Путешествие длилось почти пять дней. Зимник был тяжёлым: экипаж на полозьях подбрасывало на ухабах, а мороз за бортом крепчал. Внутри кареты мы кутались в тяжёлые медвежьих полости. Нифонт постоянно возился с маленькой медной грелкой, наполненной углями, к которой мы по очереди прижимались ногами.

Иногда останавливались на почтовых станциях. Это были серые, слабо освещённые душные места, с застоявшимися запахами кислых щей, конского пота и дешёвого табака. Смотрители, завидев монаха и знатную с виду даму, суети-

лись, подавали самовар, от которого валил густой пар. Я пила обжигающий чай с дегтярным привкусом, смотрела на обледенелые окна и понимала: с каждым верстовым столбом я всё дальше от скита.

К концу пятого дня небо над горизонтом окрасилось в грязный желтоватый цвет. В воздухе запахло дымом и большой водой. Впереди из тумана и снежной пыли начали проступать очертания Исаакиевского собора. Мы въезжали в Петербург, который после чистой белизны Карелии казался грязным, шумным и пугающе тесным.

Мы заселились в небольшую, но очень достойную гостиницу. Хозяин, немец с идеально прямой спиной и смешными усиками, лично проводил меня в номер.

- У вас два часа, Татяна, - тихо сказал Нифонт у двери.
- За нами пришлют экипаж.

Когда часы на каминной полке мелодично оповестили обозначенное время, я уже была готова. Накинув суконное пальто, спустилась в холл, где меня уже ждал мой сопровождающий. Мы вышли на улицу и сели в тёмный экипаж, стоящий прямо у входа.

Глава 7

Город за окном проносился серыми пятнами: доходные дома, вывески, спешащие чиновники в шинелях. Копыта лошадей звонко цокали по обледенелой мостовой, а экипаж подпрыгивал так, будто извозчик поставил себе целью вытрясти из меня душу. Нифонт смотрел в окно и за всю дорогу не произнёс ни единого слова. Зато бывший «водитель» этого транспортного средства, чей дух почему-то решил прицепиться именно ко мне, всю дорогу нудел про овёс и про то, что «барин нынче жадный пошёл». Я тут же «выключила» его, чтобы не отвлекаться. Мой взгляд скользнул по белым перчаткам, по тёмно-синей юбке из тонкой хорошей шерсти. Мадам! Не иначе! В прошлой жизни я не особо жаловала юбки и платья. А теперь мне, похоже, придётся смириться с тем, что они будут моим основным гардеробом. Шляпка с вуалеткой вообще выводила меня из себя. Увидев себя в зеркало в гостинице, я раздражённо подумала: «Ё-моё... Мэри Поппинс... ».

Нет, слава Богу, шляпка была верхом лаконичности - аккуратная, без клумбы из шёлковых роз или чучела фазана на тулье. Но для меня, привыкшей к каскам для промышленного альпинизма и тёплым ушанкам, это сооружение на голове ощущалось как акт агрессии со стороны здешней моды. Вуалетка казалась мне отдельным видом извращения. Мир

через неё выглядел так, будто у меня резко развилась катаракта. Но если смотреть на неё, как на защиту от мух... то вполне себе полезная штукавина...

Вскоре карета остановилась у массивного здания Синода. Сенатская площадь встретила нас порывистым ветром, который сразу же попытался сорвать с меня шедевр шляпника. Я прижала его рукой и поспешила за отцом Нифонтом к массивным дверям. Как только они за нами захлопнулись, шум улицы отрезало, словно мы попали в склеп.

Пройдя через вестибюль, поднялись по широкой лестнице, миновали анфиладу залов. И за всё время нашего пути не встретили ни одного живого существа. Что казалось весьма странным. Наконец мы подошли к двустворчатым дверям, и отец Нифонт распахнул их передо мной. Да это же храм!

Внутри уже собрались люди. Четыре женщины расположились порознь в разных углах притвора, словно отмечая пространство своим присутствием. Возле алтаря стояли Победоносцев и священник в золотом облачении. Обер-прокурор подошёл ко мне и, поприветствовав, сказал:

- С этого момента, Татьяна Фёдоровна, вы будете носить фамилию Ведовская. Документы, ключи от вашего нового дома я вручу вам завтра. Так как у меня есть к вам весьма серьёзный разговор.

Он кивком указал мне встать напротив церковника, после чего оглядел нас довольным взглядом.

- Вот и пришло, барышни, ваше время начать служение

Империю. Вы, избранные, ныне стоите на пороге новой жизни. Вам дан дар видеть то, что сокрыто от обычных глаз. Но помните: великая сила - это и великое бремя. Бремя, которое отныне вы будете нести во имя высшей цели - защиты Державы от её невидимых врагов. Вы станете щитом, отражающим тьму. И помните, барышни, ваша плоть и дух отныне принадлежат Русской Земле и Православной церкви. Можете представиться друг другу.

Я оглянулась на своих новоявленных коллег и сразу же столкнулась с ярко-голубым взглядом стройной шатенки с густыми блестящими волосами, красиво уложенными под шляпкой. Глаза у незнакомки были просто огромными.

- Полина Андреевна Туманова, - она надменно прищурилась, рассматривая меня. Я приподняла бровь, не совсем понимая: с чего эта "шароглазая" так смотрит. Но девушка вдруг улыбнулась и поспешно произнесла: - Я раньше видела плохо. Сейчас зрение наладилось, а вот привычка щуриться осталась.

- Татьяна Фёдоровна Ведовская, - я улыбнулась в ответ и тут же услышала чуть насмешливый голос:

- Ну что, поздравляю, барышни. Теперь мы официально государственное имущество. Надеюсь, статус «священного инвентаря» хотя бы подразумевает приличный обед после мероприятия?

К нам подошла стройная, даже худощавая, с выдающимся бюстом брюнетка. Она протянула мне руку:

- Анна Львовна Лиходеева. Вас тоже бесит шляпа?

- Невероятно, - я неожиданно развеселилась. – Антенна для приёма галлюцинаций. В моём случае в виде давно почивших граждан.

- О, медиум? – с уважением уточнила Анна. – Моё почтение.

- Мне показалось или я слышала слово «обед»? – над головами Полины и Анны появилось милое веснушчатое лицо. Правда, взгляд разных по цвету глаз рыжей «баскетболистки» был суровым. - Я не успела позавтракать, поэтому j'ai fait comme une louve*...

«Вот это каланча...», — мелькнула мысль.

Рыжеволосая “Эйфелевая башня” вклинилась между девушками.

- Бесова Ирина Петровна.

- А мне грустно. Так страшно начинать новую жизнь...

Мы дружно повернули головы и увидели очень хорошенькую девушку с каштановыми волосами. Она подняла на нас свои глаза, которые от света свечей казались янтарными.

- Как писал великий Шопенгауэр: «Мир есть воля и представление.». Но, если честно, моё личное представление о реальности до сих пор конфликтует с чужой волей. Разве не иронично, что наша субъектность была нивелирована до уровня государственных активов?

- Как вас величать, жертва германского идеализма? – Лиходеева усмехнулась одними уголками губ.

- Чуева Ксения Дмитриевна. Ну почему же сразу жертва? Напротив, я нахожу в этом положении определённый метафизический уют, *ma chère**...

- Приступим к присяге, - раздался голос Победоносцева с нетерпеливыми нотками, и мы вернулись на свои места.

Священник открыл Евангелие в серебряном окладе.

- Подходите по одной. Кладите руку на Писание и повторите за мной.

- ...клянусь служить верой и правдой, не щадя живота своего, против сил тьмы и врагов Престола... Над дрожащими огоньками свечей зазвучали слова, растворяясь под сводами храма и вызывая чувство сопричастности к чему-то неведомому:

* * *

Возвращаясь в гостиницу, я откинулась на жёсткую спинку сидения кареты, закрыла глаза и погрузилась в воспоминания о прошедшем вечере.

После присяги нас привезли в один из особняков, принадлежащих ведомству Победоносцева. Роскошное чопорное место с таким же меню.

По большой гостинной сновали официанты с выправкой гвардейцев, поднося деликатесы. Константин Петрович тем временем упражнялся в красноречии. Его тосты были настолько пафосными, что казалось, от избытка «духовных скреп» в воздухе вот-вот замироточат даже салфетки. Он ве-

щал о «столпах Империи» и «священном долге». О том, какую гордость мы обязаны испытывать.

Рыжая Ирочка на пафос внимания не обращала. Она работала челюстями с эффективностью промышленного преса. В её недрах исчезала стерлядь, рябчики, мясные медальоны... Глядя на то, как она расправляется с едой, я поняла: если Империю некому будет защищать, Ирина Петровна просто съест врага. И не подавится.

У Полины Андреевны после пятого бокала шампанского внезапно исчез надменный прищур. Её взгляд сфокусировалась на огромном блюде с десертом «Шарлотт-рус» и горой шоколадных трюфелей от Абрикосова. В какой-то момент Полина просто выключилась из реальности, методично истребляя запасы конфет. Лиходеева же была опасна для окружающих предметов: столовое серебро в её руках жило своей жизнью. Вилки с грохотом летели на паркет, ножи опасно пикировали в сторону официантов. Но Анна Львовна даже не вела бровью.

Ксения выглядела образцом интеллигентности. Она сидела с прямой спиной, держала бокал так, будто с ним родилась. К концу обеда, когда Победоносцев взял паузу, чтобы перевести дух, Чуева вдруг выдала в наступившей тишине:

- «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку. Зачем тебе Солнце, если ты куришь Шипку?»*...

Победоносцев замер с поднятым бокалом. А Ксения тяжело вздохнула:

- Это новые веяния в литературе, Константин Петрович. Постмодернизм. Вам не понять: это из будущего.

К окончанию банкета мы все прилично наклюкались и даже пытались петь песни, чем привели в шок нашего оберпрокурора. А ещё я узнала о даре каждой из девушек. Чуева получала информацию через прикосновения, Туманова чувствовала подселенцев и, вытаскивая их из человека, запирала в шкатулку. Бесова могла справиться с нечистью, а Лиходеева чувствовала бесов и могла управлять низшими из них.

Карету тряхнуло на выбоине, и я открыла глаза. Нифонт с укоризной оглянулся. Но я сделала вид, будто не заметила его осуждающий взгляд.

* j'ai faim comme une louve – я голодна как волчица _____

* ma chère – моя дорогая

* цитата из стихотворения Иосифа Бродского «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку» (1970-е годы). «Не выходи из комнаты» — метафора ухода в себя, отказа от внешней суеты.

Глава 8

Карета замерла у гостиницы. И тяжёлый вздох инок стал предвестником нашего расставания. С искренней печалью Нифонт обратился ко мне:

- Ну вот и всё, Татиана. Пришла пора прощаться. Помни, чему отец Зосима учил: дар твой - это и крест, и меч. Не давай воли гордыне, но и в обиду себя не давай. В Петербурге людей много, а души в некоторых на грош. Остерегайся тех, кто сладко стелет, и помни: Господь видит доброе сердце. Береги себя.

Нифонт перекрестил меня, и я вышла в промозглый вечер. Глядя, как экипаж растворяется в сизом петербургском тумане, кожи коснулось ледяное одиночество. Огромный, каменный, равнодушный город обступил со всех сторон. «Ну что, Таня, - подумала я. - Либо ты станешь частью этого механизма, либо он сотрёт тебя в порошок. Выбирай.»

Глубоко вдохнув колючий воздух, пропитанный запахом печного дыма, я решительно поднялась по ступенькам. Страх - плохой советчик. А впереди маячила целая жизнь, которую нужно было как-то выстраивать.

Номер встретил меня тишиной, лишь угли в камине изредка потрескивали, выбрасывая снопы искр. Пора было привыкать к местному укладу. Я распорядилась, чтобы приготовили ванну. И вскоре несколько дюжих парней начали

бесконечную процессию с вёдрами горячей воды. Когда они, наконец, ушли, я сбросила с себя свой наряд, расшнуровала корсет, который весь день впивался в рёбра, и со стоном блаженства буквально рухнула в горячую воду.

- Боже, да-а-а...

Помывшись, натянула длинную сорочку и, подсушив волосы, забралась под стёганое одеяло. Кровать была огромной, с высокой периной, в которой я буквально утонула. После жёсткой кушетки в скиту она казалась райским облаком.

Едва голова коснулась прохладной наволочки, я мгновенно отключилась, провалившись в глубокий сон без сновидений...

Разбудил меня настойчивый стук в дверь. Я подскочила, совершенно не понимая, где нахожусь. Ноги запутались в подоле сорочки, и попытка сделать несколько шагов закончилась тем, что я с размаху приложила мизинцем о резную ножку дубовой кровати.

- Мать твою... - прошипела я, запрыгав на одной ноге. Боль была такой острой, что в глазах потемнело.

Кое-как доковыляв до двери, я приоткрыла её ровно настолько, чтобы высунуть нос. На пороге в ливрее с начищенными пуговицами стоял идеально выбритый лакей. Он замер, глядя куда-то в пространство над моим плечом.

- Вас ожидает экипаж, Татьяна Фёдоровна.

- Ага, спасибо... - пробубнила я, захлопывая дверь перед ним. Внутренний голос осуждающе протянул: «Таня, “ага”?»

Где манеры! Тебя чему учили?».

Плеснув в лицо ледяной водой из фаянсового таза, я безжалостно скрутила волосы в тугий узел на затылке, закрепив шпильками так, что на висках даже натянулась кожа. И то-ропливо, но тщательно одевшись, спустилась вниз. У входа стоял тот самый экипаж, что вёз нас вчера с Нифонтом на присягу. Из ноздрей пары лошадей вырывались густые клубы пара. Кучер даже не повернул головы, сидя неподвижно, как изваяние. Я забралась внутрь, и карета тут же рванула с места.

Петербург конца февраля был зрелищем сомнительной эстетики. Снега здесь выглядели не такими чистыми, как в Карелии. Серые, перемешанные с сажей и навозом... В окошко я видела серые фасады доходных домов, казавшиеся ещё более мрачными под низким свинцовым небом. Мимо проносились другие экипажи, разбрызгивая коричневую жижу. Закутанные в шали торговки раскладывали товар перед лавками, а дворники в белых фартуках лениво соскребали лёд с тротуаров. Город, утонувший в серой туманной мгле, которая, казалось, пробиралась даже сквозь плотные шторы кареты, просыпался медленно, неохотно.

Мы проехали мимо каналов, забитых потемневшим, потрескавшимся льдом, мимо бесконечных решёток Летнего сада. Наконец экипаж свернул с оживлённых проспектов. Шум города начал стихать. Мы въехали на территорию частного парка, скрытого за высоким каменным забором. Отя-

желевшие от снежных шапок огромные ели напомнили мне безмолвных стражей.

Карета остановилась у края замёрзшего пруда. Я вышла и огляделась. В нескольких десятках метров на небольшом возвышении белела ротонда. Внутри, спиной ко мне замерла высокая фигура в длинном чёрном пальто с меховым воротником. Победоносцев. Я поправила шляпку и направилась к беседке. В этой звенящей тишине мои шаги по расчищенной дорожке звучали слишком громко. Когда я подошла ближе, обер-прокурор медленно обернулся. В его руках я заметила увесистый свёрток, запечатанный сургучём.

- Доброе утро, Татьяна Фёдоровна. Как самочувствие?

- Благодарю вас. Всё хорошо, - ответила, понимая, что обер-прокурор намекает на вчерашний банкет, и спрятала улыбку.

- Что ж, тогда начнём, – Победоносцев протянул мне пакет . - В первую очередь я хочу вручить вам документы. Отныне вы полноправная подданная, чьи интересы и безопасность находятся под особым покровительством. Здесь же средства на первое время. Так сказать, на обустройство вашего быта. Жалование вы будете получать еженедельно, а эти ассигнации помогут вам не отвлекаться на бытовую суету и привести свой облик в соответствие с вашим новым статусом.

Я приняла пропуск в своё будущее.

- Благодарю, Константин Петрович. И каков же мой ста-

тус?

Победоносцев едва заметно усмехнулся:

- По легенде, вы — вдова отставного генерала Ведовского. Последние годы безвыездно проживали в глухом имении под Костромой, вдали от столичного шума и суеты. После кончины супруга, как это часто бывает, почти всё недвижимое имущество отошло его сыновьям от первого брака. Вам же было назначено годовое содержание и предоставлен небольшой, но весьма достойный особняк на набережной Екатерининского канала. Место тихое, но статусное. Однако вы натура экзальтированная. Мягко скажем, особа с «интересными» странностями. Как говорится, если хочешь что-то надежно скрыть, положи это на самое видное место. Вы станете позиционировать себя как медиум. Сейчас это модно. Петербургское общество изнывает от скуки и жаждет заглянуть на другую сторону бытия. Мы пустим соответствующие слухи — об этом не беспокойтесь. Ваш новый облик позволит вам беспрепятственно вращаться в самых высоких кругах: посещать светские рауты и закрытые салоны. Благородное общество примет вас как любопытную диковинку. Это даст нам идеальную возможность отслеживать аномалии. Вы будете нашими глазами и ушами в мире теней, с которым так неосмотрительно заигрывает аристократия. В этом мутном потоке праздного любопытства вы должны будете вылавливать настоящую тьму.

Победоносцев медленно прошёлся вдоль колонн ротонды,

заложив руки за спину.

- Под моим началом находятся командиры групп. Как правило, это верные престолу люди: офицеры корпуса жандармов в чине от ротмистра до полковника. Их задача - координация действий и распределение задач. И будем откровенны, Татьяна Фёдоровна, на командира возложен контроль за такими «гостьями» из будущего, как вы. Для Империи вы ценнейший, но крайне нестабильный элемент. Поэтому присмотр за вами будет неусыпным. Ваше место в этом механизме - ищейка. Или, если вам угодно, свободный следователь. Вы будете работать как по прямому приказу командира, так и в режиме «свободного художника», если почувствуете след тьмы. Ваша первостепенная цель - выявить аномалию, классифицировать её и определить план действий. Если ситуация потребует грубой силы, в вашем распоряжении будет группа силовой поддержки. Это пять-семь человек — жандармы нижних чинов, обладающие... скажем так, слабыми искрами дара. Недостаточными для самостоятельной работы, но вполне пригодными, чтобы стать вашим щитом и мечом. Они обеспечат вашу безопасность и выполнят черновую работу. Однако если вы поймёте, что дело выходит за рамки вашего профиля, то обязаны немедленно доложить командиру. Он свяжется со мной, и я привлеку одну из ваших коллег.

Победоносцев остановился напротив меня и добавил:

- И еще одно условие, Татьяна Фёдоровна. Самое важное.

Никаких встреч и контактов с остальными девушками. Вы не должны пересекаться. Это опасно как для дела, так и для вашей личной безопасности. Группы работают автономно, их пути не должны сходиться без моего личного распоряжения.

Что касается быта. В особняке вас будут ждать двое слуг. Женщина обеспечит порядок в доме и стол, а мужчина возьмёт на себя двор и обязанности вашего извозчика. Это надёжные люди, проинструктированные должным образом. Вам всё понятно?

На словах-то схема была стройной, а вот как она станет работать в действительности? Со вздохом ответила:

- Вроде бы да.

- Ничего, Татьяна Фёдоровна, - голос обер-прокурора на мгновение смягчился. - Всё со временем наладится, придёт в норму. Человек - существо, ко всему привыкающее. У вас появятся друзья, увлечения... Как только я пойму, что вы полностью владеете своим Даром и ситуацией, получите куда большую свободу действий. Государству не нужны рабы, ему нужны преданные соратники. А ещё у меня к вам есть просьба... личного характера. Считайте это вашим первым испытанием. Полевым крещением, если угодно.

Победоносцев снова заложил руки за спину, медленно меряя шагами пространство ротонды.

- У меня есть близкий друг, старый соратник, человек безупречной репутации. Год назад он овдовел. Три месяца назад женился во второй раз на прелестной девушке из обед-

невшего, но знатного рода. И вот здесь начинается то, что не поддаётся никакой логике. Его молодая супруга ведёт себя странно. Нет, это не кликушество и не одержимость бесом. Мария Павловна тиха, воспитана, но порой...

Обер-прокурор замолчал, подбирая слова, а потом продолжил:

- Порой она меняется в лице. Её голос обретает иные интонации, а из уст вылетают фразы о событиях, которые она никак не могла знать. Она говорит о случаях сорокалетней давности, о тайнах дома, погребённых вместе с первой женой. Мой друг на грани отчаяния. Врачи предполагают нервическую горячку, но я чувствую: здесь нечто иное. Я хочу, чтобы вы посмотрели на Марию Павловну. Завтра в десять утра за вами заедет экипаж. Мне нужно знать: это болезнь ума или ваш... профиль?

- Я поняла вас, Константин Петрович, — ответила я. - Я сделаю всё, что смогу.

- Надеюсь на это. От вашего вердикта зависит спокойствие одного из самых влиятельных домов Петербурга.

Он слегка коснулся полей своей шляпы, прощаясь.

- Поезжайте в гостиницу за вещами и заселяйтесь в ваш новый дом. Адрес указан в конверте. А я вынужден откланяться. Служба, знаете ли, не терпит промедлений.

Победоносцев сошёл со ступенек ротонды и быстрым решительным шагом направился к своему экипажу, ожидавшему его в глубине аллеи. Я осталась стоять в белоснежной бе-

седке, сжимая в руках конверт с документами на имя вдовы Ведовской. Холодный ветер с пруда обжѐг лицо, напоминая, что началась новая жизнь. И обратного пути нет.

Глава 9

Вернувшись в гостиницу, первым делом я заперла дверь. Потом взломала сургучную печать и вытряхнула содержимое конверта на кровать. Из него выпал паспорт на имя Татьяны Фёдоровны Ведовской, несколько официальных бумаг с гербами и пухлая пачка ассигнаций. Пересчитанная сумма была внушительной. Это, несомненно, поднимало настроение.

Собрав немногочисленные вещи, я сдала ключ от номера и спустилась к экипажу. Он снова повёз меня по улицам Петербурга.

Город за окном кареты постепенно менял облик. Грязные торговые ряды сменились строгими линиями каменных набережных. Когда карета притормозила и остановилась, я вышла на тротуар. Мои глаза невольно расширились в изумлении. Я буду жить здесь?

Особняк стоял прямо у воды, глядя на скованный льдом канал высокими узкими окнами. Он был двухэтажным, благородного цвета пыльной розы. Кое-где на фасаде виднелись трещины, а лепнина в виде цветочных гирлянд под карнизом местами облупилась, обнажая красный кирпич, словно старые шрамы. Но в этой обветшалости не было нищеты: лишь достоинство и какая-то особая живая душа.

За небольшой кованой оградой притаился крошечный палисадник с уснувшими под снегом кустами сирени. Парад-

ная дверь из тёмного дуба с массивной бронзовой ручкой в виде львиной головы выглядела неприступно. Над входом нависал изящный балкончик с ажурной решёткой, покрытой инеем, напоминающей дорогое кружево.

Я сделала глубокий вдох, ощущая, как колючий невский ветер щиплет щёки, и толкнула калитку. Металл жалобно скрипнул, приветствуя новую хозяйку. Ну что ж, госпожа Ведовская, пора входить в роль. У нас впереди ночь на подготовку и загадочная молодая жена, которая пугает своего пожилого мужа...

Не успела я подняться по гранитным ступеням, как входная дверь бесшумно распахнулась. На пороге возник мужчина лет пятидесяти в строгом суконном сюртуке и скромном жилете. Рыжеватые волосы с проседью были аккуратно зачесаны назад, а лицо светилось спокойным достоинством.

- Добро пожаловать, Татьяна Фёдоровна! - он склонил голову в почтительном поклоне. - Мы ждали вас. Прошу, входите в дом.

Я переступила порог и оказалась в просторном холле. Взгляд пробежался по окружающей обстановке. Паркет, выложенный «елочкой», стены, обтянутые льняными обоями изумрудного цвета. В углу стояли напольные часы в высоком резном корпусе. Массивная лестница с перилами из полированного ореха уходила на второй этаж, теряясь в полумраке. Из дверей, ведущих куда-то вглубь дома, показалась женщина лет сорока. На ней было простое, но добротное платье из

серой шерсти с белоснежным накрахмаленным фартуком и чепцом, из-под которого чуть выбились пряди каштановых волос.

- Меня зовут Григорий, - представился мужчина, после чего указал на женщину. - А это супруга моя Прасковья. Мы приставлены служить вам, ваше превосходительство.

Слово «превосходительство» резануло слух. Но статус вдовы генерала, видимо, обязывал к такому обращению. Я решила отбросить лишний пафос, чтобы расположить этих людей к себе.

- Рада познакомиться, Григорий, Прасковья, - я тепло улыбнулась и чуть склонила голову в ответ, снимая перчатки. - Надеюсь, мы поладим. У меня характер прямой, но я ценю честность и порядок.

- Ну что вы, барыня, как же иначе! - Прасковья всплеснула руками, и в её глазах мелькнуло облегчение: видать, боялась, что приедет непростая особа. - Григорий сейчас ваши вещи из экипажа заберёт, а я сию минуту самовар поставлю. Проголодались, чай, с дороги? Но сперва позвольте спальню вашу показать.

Я последовала за приветливой женщиной на второй этаж. Пока мы поднимались, я «прислушивалась». Никаких голосов. Либо дом чист, либо обитающие здесь духи тоже приглядываются ко мне.

- Проходите, Татьяна Фёдоровна. Вот ваши покои, - Прасковья распахнула дверь в комнату, залитую мягкими лучами

показавшегося из-за туч февральского солнца.

Комната оказалась просторной и удивительно светлой. Окна выходили прямо на канал, в этой части города покрытый ещё белым, не подтаявшим снегом. Блики солнца на снегу отражались на высоком потолке, украшенном тонкой лепниной. Центр спальни занимала массивная кровать с балдахином из кремового шёлка, рядом изящное бюро из карельской березы и туалетный столик с трёхстворчатым зеркалом.

Григорий внёс мои скромные пожитки и, поклонившись, удалился. Прасковья тем временем принесла большой фарфоровый кувшин с тёплой водой. Она действовала ловко и аккуратно, помогая мне освободиться от дорожной одежды и умыться.

- В доме имеется ванная комната, Татьяна Фёдоровна, и ватерклозет по последней моде, - проговорила женщина, сливая воду в таз. - Но там что-то с трубами неладно: шумят они, будто черти стонут! Мастера надобно бы позвать, чтобы посмотрел.

- Позовём, - пообещала я, поворачивая к ней мокрое лицо. - А вы постоянно будете здесь находиться?

- Конечно, барыня. Мы с Григорием живём на цокольном этаже. У нас там свои комнаты, - кивнула Прасковья, подавая мне мягкое льняное полотенце. Женщина на мгновение замялась, опустив глаза, но потом честно призналась: - Нам велено оберегать ваш покой и докладывать о каждом шаге, ваше превосходительство.

«Ну, этого и стоило ожидать.», - усмехнулась я про себя. Победоносцев открыто предупредил меня о надзоре.

Прасковья деловито подошла к огромному шкафу и распахнула створки. Я невольно замерла.

- Откуда это всё? - вырвалось у меня.

- Так шкаф полон нарядов ваших, Татьяна Фёдоровна, - улыбнулась женщина, отодвигая шелестящие ряды платьев. - И утренние, и для визитов, и вечерние. И обуви полно, и шляпок в коробках. Всё подогнано, всё готово.

Она извлекла домашнее платье из мягкой шерсти цвета маренго с тонкими кружевами на манжетах и помогла надеть.

- Пойду, барыня, самовар проверю, - Прасковья присела в коротком поклоне. - Через четверть часа в столовой накрыто будет.

Оставшись одна, я заглянула за находящуюся в комнате ещё одну незаметную дверь и даже присвистнула. Там находилась большая чугунная ванна на кованых львиных лапах с высокой спинкой. Напротив неё - умывальник с белой раковиной и латунными кранами. Стены в ванной были облицованы светлым кафелем. Я повернула один из кранов, и тут же раздался жуткий металлический гул, будто где-то глубоко в трубах зашевелился проснувшийся демон.

«Нужно обязательно найти мастера, - подумала я, закрывая кран. - Жить хочется с комфортом.»

Я прошлась по комнатам, осваиваясь в новом жилище.

Особняк был небольшой, но довольно уютный. Старинная мебель, потускневшие картины в золочёных рамах, вышитые подушки на диванах... Здесь не было ощущения роскоши, скорее добротного обжитого быта.

В дверях появилась Прасковья. Она негромко кашлянула, привлекая внимание.

- Ваше превосходительство, кушать подано. Прошу в столовую.

Я спустилась на первый этаж, где на круглом столе, накрытом накрахмаленной скатертью, уже ждал обед. В супнице дымились густые щи с разварной говядиной и сметаной. В отдельной тарелке горкой лежали ещё тёплые ржаные растегаи с рыбой. На второе Прасковья приготовила телячьи отбивные с печёным картофелем и солёными груздями, которые так заманчиво поблёскивали в масле. Я накинулась на разносолы с жадностью, забыв о светских манерах, которые мне так старательно прививали. Хорошо, что прислуга удалилась из столовой и не наблюдала за такой неэлегантной хозяйкой. Завершился обед крепким ароматным чаем из самовара, к которому Прасковья подала густое варенье из лесной земляники и свежие сливки.

- Благодарю, Прасковья. Я ничего вкуснее не ела! - искренне сказала я, чувствуя, как тело наполняется сытой истомой.

- Да будет вам, Татьяна Фёдоровна! – засмушалась женщина. – Скажете тоже!

Остаток дня я решила провести в библиотеке. Небольшая комната, заставленная до самого потолка дубовыми стеллажами, пахла кожей переплетов и вызвала почти детский восторг. Я забралась с ногами в обтянутое потёртым бархатом кресло, стоящее в углу, и углубилась в чтение. Время пролетело незаметно. За окнами быстро сгущались синие петербургские сумерки. Фонарщик на набережной зажёл первый газовый рожок, и его зыбкий свет заплясал на корешках книг.

Мои веки стали тяжелеть. В доме воцарилась уютная, почти магическая тишина. Я не заметила, как книга соскользнула на колени, а голова откинулась на мягкий подголовник кресла. Сквозь глубокий сон я лишь на мгновение почувствовала, как чьи-то заботливые руки укрыли меня тёплым пледом.

Взгляд метнулся к часам. Девять! Громкий крик извозчика ворвался в мой сон, как выстрел. Я подскочила в кресле и тут же охнула от острой боли в шее. Спина, затёкшая от неподвижности, отозвалась протестующим хрустом.

- Чёрт! - выдохнула я, забыв, что в этом веке дамы так не выражаются.

Через час здесь будет экипаж! Я бросилась вон из библиотеки, едва не сбив с ног Прасковью, которая степенно шествовала по коридору с охапкой свежего белья.

- Барыня! Проснулись! Я и заглядывать к вам не смела, так сладко вы почивали, будто ангелы вас убаюкали.

- Мне нужно успеть собраться! В десять за мной заедут! - я уже летела по лестнице вверх, придерживая подол домашнего платья.

- Да не переживайте вы так, ваше превосходительство! Сейчас всё в лучшем виде сделаем, и глазом моргнуть не успеете!

Прасковья оказалась на удивление проворной. Пока я металась по спальне, она уже втащила в ванную два ведра исходящей паром воды. И, забравшись в холодную чашу ванны, я поливала себя из медного ковша. В голове постепенно прояснялось.

Вернувшись в спальню, я обнаружила, что на кровати уже разложено платье. Оно было из графитового, почти чёрного сукна с высоким воротником-стойкой, украшенным тончайшим кружевом.

Прасковья зашнуровала на мне корсет, затем принялась за волосы. Пара ловких движений гребнем, несколько шпилек — и на моей голове красуется гладкий узел, а вокруг лица трепещут волнистые пряди.

Часы на каминной полке пробили без четверти десять.

- Готовы, ваше превосходительство, - улыбнулась Прасковья, подавая мне маленькую шляпку с вуалью и тонкие лайковые перчатки.

Снизу прозвучал громкий стук дверного молотка. Это точно за мной!

Я спустилась в холл и увидела Григория.

- Доброе утро, Татьяна Фёдоровна. Вас уже ждут, - сказал он, открывая передо мной дверь. – Доброй дороги вам.

- Доброе утро, Григорий. Спасибо, - ответила я, переступая порог.

У ворот стоял дорогой экипаж с гербом на дверце, запряжённый парой вороных лошадей, нетерпеливо перебирающих копытами. Возница открыл передо мной дверцу, и я забралась внутрь.

Неожиданно я почувствовала необъяснимый холодок, пробежавший по коже. Мой взгляд скользнул по окнам второго этажа. В одном из них за кружевной занавеской мелькнул чей-то силуэт. А потом я увидела бледное женское лицо. Широко распахнутые глаза горели смесью злости и отчаянья. Казалось, они прожигали меня насквозь. Мгновение - и видение исчезло, словно его и не было, лишь лёгкое колыхание шторы говорило, что это не обман зрения. Ехали мы недолго, не более десяти минут. И вскоре остановились у одного из домов на Миллионной улице. Я спустилась с подножки на тротуар и подняла глаза. Передо мной был высокий добротный особняк цвета слоновой кости с причудливой лепниной и балконом, огороженным вычурными балясинами. Чистые блестящие окна отражали каждый луч бледного зимнего солнца. - Хм... интересно... - пробормотала я, направляясь к особняку. – Что ж, посмотрим на тебя, Мария Павловна...

Глава 10

Широкие ступени парадного крыльца привели меня к массивным дверям, в которые я дважды ударила бронзовым молотком. Через минуту щёлкнул замок, и передо мной предстала горничная в накрахмаленном чепце со взглядом снулой рыбы.

- Госпожа Ведовская? - уточнила она. Я коротко кивнула, и служанка отступила, приглашая войти. – Я сейчас доложу хозяину, что вы прибыли.

Холл особняка подавлял своей роскошью. Мраморные полы, искусная лепнина, зеркала с отражениями картин в тяжёлых позолоченных рамах. Служанка провела меня в гостиную, выдержанную в бордовых тонах. Плотные портьеры были задёрнуты на двух окнах из трёх, и мне стало неуютно в этом полумраке. Сняв перчатки, я прошла к изящной софе, обтянутой тёмным бархатом, и присела.

Вскоре раздались быстрые шаги. Дверь распахнулась, и в комнату вошёл мужчина внушительных габаритов с широкими плечами. Седеющий пробор делил его голову на две идеально ровные половины. Пышные усы почти скрывали линию рта, придавая лицу ещё более суровое выражение.

Я поднялась навстречу хозяину.

Хозяин дома подошёл и, церемонно коснувшись губами моей руки, произнёс низким баритоном:

- Добро пожаловать в мой дом, Татьяна Фёдоровна. Разрешите представиться: Аристархов Николай Михайлович.

- Очень приятно, - с дружелюбной улыбкой ответила я. И, не оттягивая разговор, первая затронула волнующую его тему: - Константин Петрович сообщил, что с вашей супругой происходит нечто... необъяснимое.

Николай Михайлович поморщился, словно от зубной боли, и жестом пригласил меня садиться. Сам он опустился в кожаное кресло у камина.

- Дорогая Татьяна Фёдоровна. Я закоренелый материалист... И, признаюсь откровенно, не очень верю во всю эту чертовщину. Но если за вас поручился Костя... то есть Константин Петрович...

Хозяин дома сделал паузу, и в этой заминке я увидела страх сильного человека перед тем, что он не может контролировать. Похоже, старый друг Победоносцева действительно не знал всей правды о тайном отделе, но авторитет оберпрокурора был для него неоспорим.

- Моя супруга, Мария Павловна... - он заговорил тише, - страдает от странных приступов. Понимаете, э-э-э... это не просто женская истерия. Ни с того ни с сего её черты искажаются, голос становится чужим... Она начинает говорить вещи, о которых знать не может! Секреты слуг, старые обиды людей, которых давно нет в живых. В такие минуты мне кажется, что в её теле живет кто-то другой. Звучит ужасно... бредово... Но это так!

Аристархов замолчал, нервно поглаживая ус. А потом подался ко мне и зашептал:

- Опять же повторюсь: я не верю в мистические проявления! Но медицина бессильна, а то, что я слышу из ее уст... это заставляет сомневаться даже меня! Заядлого скептика!

Я слушала его, вспоминая бледное лицо, мелькнувшее в окне.

- Я понимаю вас, Николай Михайлович. Часто то, что мы принимаем за чертовщину, имеет вполне логичное объяснение. Мне нужно увидеть Марию Павловну. Это возможно?

Аристархов поднялся с кресла и нервным движением одёрнул полы сюртука.

- Татьяна Фёдоровна, я должен предупредить... я представлю вас Марии Павловне, как вдову моего покойного боевого товарища по Балканам. Дескать, вы только недавно прибыли в столицу и сочли своим долгом нанести визит, чтобы передать мне последние слова супруга и некоторые его бумаги. Пожалуйста, придерживайтесь этой версии. Я не хочу, чтобы моя жена заподозрила, зачем вы здесь.

- Можете не волноваться, Николай Михайлович, - заверила я его. - Ваша супруга не узнает истинной цели моего визита. Я умею хранить чужие секреты не хуже, чем свои собственные.

Он коротко кивнул, бросил на меня еще один долгий, полный сомнения взгляд и вышел из гостиной. Я же медленно прошла по комнате, рассматривая её убранство, пока мои

глаза не остановились на низком столике. На нём стояла плетёная корзинка с разноцветными нитками мулине, а сверху лежали пяльцы с неоконченной вышивкой. Я подошла ближе и коснулась ткани. Холод ударил в пальцы мгновенно, словно я опустила руку в прорубь. Мёртвая, высасывающая жизнь энергия... Её я научилась узнавать среди тысяч других. Она пахла сырой землей, пыльными склепами и застоявшейся в вазах водой, в которой слишком долго увядали похоронные лилии...

На канве вместо невинного цветочного узора были вышиты странные ломаные стежки, складывающиеся в какой-то хаотичный, пугающий орнамент. Казалось, тот, кто держал эти пяльцы, находился в глубоком трансе.

Я резко отдернула руку.

«Рано делать выводы, Таня. Кладбищенский холод может быть лишь отголоском болезни, а не присутствием иного гостя. Сначала нужно увидеть саму Марию Павловну.»

В этот момент, открываясь, скрипнули двери. В комнату вошёл Николай Михайлович, а за его спиной показалась хрупкая женская фигурка в сером платье.

Мария Павловна вошла в комнату так бесшумно, словно её ступни едва касались ворса ковра. Когда она подняла голову, я с трудом сдержала удивление: это было то же лицо, что я видела в окне. Но маска ярости исчезла, сменившись безмятежным, почти ангельским спокойствием.

Молодая женщина была удивительно хороша собой. Фар-

форовая бледность кожи казалась почти прозрачной. Тонкие черты лица, золотистые волосы, уложенные в аккуратную причёску, хрупкая фигура делали хозяйку дома похожей на античную статуэтку.

- Здравствуйте, Татьяна Фёдоровна. Как любезно с вашей стороны почтить наш дом своим визитом, - голос Марии Павловны звучал чисто и мелодично, как колокольчик. - Николай Михайлович рассказал мне о цели вашего приезда. Я глубоко сочувствую вашей утрате. Уверена, что для моего супруга вести о его доблестном товарище, какими бы печальными они ни были, это драгоценная нить, связывающая с прошлым. Позвольте представиться: Мария Павловна Аристархова.

Она протянула мне узкую, с тонкими пальцами руку.

- Я искренне рада знакомству, - ответила я, слегка склонив голову и ответив на рукопожатие. Её ладонь оказалась сухой и горячей, словно у человека в лихорадке, что резко контрастировало с ледяным холодом, исходящим от её вышивки.

Я сознательно держала «внутренние двери» наглухо закрытыми. Отец Зосима учил меня, что прежде чем выпускать своего внутреннего зверя, нужно изучить ситуацию обычными человеческими чувствами. Если я сейчас откроюсь, на меня может обрушиться водопад чужой боли. А мне нужна была ясность. Я хотела понять, кто передо мной: жертва обстоятельств, искусная актриса или сосуд для чего-то более тёмного.

Мария Павловна смотрела на меня внимательно. В глубине светлых глаз я заметила странный отблеск: будто там, за пеленой вежливого дружелюбия, кто-то другой наблюдал за мной, оценивая и выжидая.

- Присядемте, Татьяна Фёдоровна, - мягко предложила она, указывая на софу. - Я распорядилась подать нам чаю. Расскажите, как вы устроились в Петербурге? Город в эту пору суров к приезжим.

- Благодарю, всё обустроилось как нельзя лучше, - ответила я, принимая светский тон. - Мой дом на Екатерининском канале оказался удивительно гостеприимным. Даже в эти холодные петербургские дни там сохраняется какое-то особенное, почти провинциальное тепло. К тому же хлопоты с обустройством и визиты к старым знакомым мужа совершенно не оставляют времени для хандры.

Мария Павловна слушала меня, вежливо улыбаясь, но я обратила внимание, что под слоем пудры залегли тени, а в глазах плескалась тоска, смешанная с едва уловимым трепетом. Понятно. Молодая красивая женщина заперта в золотой клетке с человеком, который годится ей в отцы и чьё присутствие наверняка заставляет её вздрагивать при каждом скрипе двери. Я болтала о пустяках: о неудобстве наёмных экипажей и о том, как свеж воздух у воды. Простым языком: заговаривала зубы. Пока я разминала язык, служанка внесла большой серебряный поднос. В воздухе поплыл аромат свежего лимонного кекса с цукатами и запеченных яблок в ка-

рамели.

«Пора заглянуть за кулисы.», - решила я и на секунду опустила веки, делая глубокий вдох. Дверь в моей голове медленно приоткрылась. Гул голосов, который я научилась глушить, на мгновение ворвался в голову, но я отсекала его, фокусируясь только на женщине напротив. И тут же раздался отчетливый ледяной женский шёпот, сочившийся ядовитой неприязнью:

«Эта особа слишком подозрительная. Неужели ты не видишь? Она не нравится мне. Выставь её вон, пока гостя не вынюхала лишнего...».

Слова предназначались не мне, но ударили в висок с такой силой, что я едва не выронила чашку. Я мгновенно «захлопнула дверь» в своей голове, возвращая спасительную тишину. Внутри всё похолодело. Вот, значит, как. Рядом с Марией Павловной активная, злобная покойница, которая даёт советы и, судя по всему, имеет на хозяйку дома колоссальное влияние. И эта «подруга» меня воспринимает с подозрением.

Ситуация становилась патовой. Просто посидеть за чаем было недостаточно. Покойница была настроена агрессивно, и мне требовалось время, чтобы понять: кто она и какую власть имеет над хозяйкой дома. Нужно было остаться здесь на ночь под любым предлогом. Я не спеша допила чай, аккуратно поставила чашку на блюдце и поднялась.

- Благодарю за тёплый приём, Мария Павловна. Николай

Михайлович, мне было бесконечно приятно познакомиться с вами поближе. Но, боюсь, мне пора откланяться, дела не ждут, - я улыбнулась, стараясь выглядеть максимально естественно.

Чета Аристарховых тоже поднялась. И я позволила себе небольшое театральное представление. Сделав несколько шагов, я резко замерла, прижала ладонь к виску и слегка покачнулась, имитируя внезапное головокружение. Николай Михайлович подхватил меня под локоть, не давая упасть.

- Татьяна Фёдоровна! Что с вами? Вам плохо?

Я приложила руку ко лбу и дрожащим голосом прошептала:

- Прошу прощения... Эти приступы слабости... они стали случаться со мной после того, как не стало моего мужа. Врачи говорят, что это нервное истощение. Я была слишком привязана к супругу. Душа, кажется, до сих пор не может примириться с потерей.

- Так вот что я вам скажу. Ни о каком отъезде в таком состоянии не может быть и речи. Вы останетесь сегодня у нас. Мы будем очень рады вашему обществу. Правда, Машенька? - Николай Михайлович посмотрел на жену.

Женщина кивнула, хотя в её глазах на мгновение промелькнула тень.

- Разумеется, - отозвалась она мягко. - У нас достаточно комнат, и вам подготовят лучшую.

- Тем более, взгляните в окно! - Аристархов указал на

стекло, по которому хлестали капли ледяного дождя. - Начинается гололедица, дороги станут скользкими, как зеркало! Не хватало ещё, чтобы экипаж перевернулся! Отдохнёте, придёте в себя, а вечером спуститесь на ужин. У нас соберутся несколько близких друзей. Небольшая партия в винт, светские беседы... Я буду горд представить им вдову своего храброго товарища.

Я изобразила слабую улыбку.

- Вы слишком добры ко мне. Если я не стесню вас... я бы с благодарностью приняла ваше предложение.

План сработал. Я получила доступ в дом, и теперь у меня была целая ночь, чтобы выяснить, кто эта невидимая гостья.

Николай Михайлович уже потянулся к шёлковому шнуру, чтобы вызвать прислугу, но Мария Павловна легко коснулась его руки.

- Не нужно. Я сама провожу Татьяну Фёдоровну. Мне хочется убедиться, что нашей гостье будет по-настоящему удобно.

Мы поднялись по широкой лестнице на второй этаж. Здесь тоже всё дышало роскошью. Мои ноги тонули в густом ворсе ковров, а со стен на нас смотрели суровые предки Аристарховых - затянутые в мундиры мужчины и бледные женщины с поджатыми губами. Хозяйка дома открыла дверь в одну из гостевых спален.

- Чувствуйте себя как дома, Татьяна Фёдоровна.

Интерьер в комнате был безупречен: нежно-голубые обои,

светлая мебель, кровать под белоснежным балдахином...

- Если вам что-то понадобится, просто потяните за шнур у изголовья. Колокольчик в людской оповестит служанку, - Мария Павловна указала на кисть, свисающую со стены. - Обед вам принесут сюда. А перед ужином я пришлю горничную, чтобы она помогла привести платье в порядок.

- Благодарю вас, Мария Павловна. Вы так добры ко мне... - я повернулась к ней спиной и вдруг услышала шипящий голос:

- Убирайся отсюда!

- Что? - я резко обернулась.

Мой взгляд встретился со взглядом Марии Павловны. На одно короткое мгновение маска благовоспитанной дамы треснула. Из глубины её зрачков плеснуло такой ненавистью, что у меня перехватило дыхание. Это был не просто гнев, это была ярость загнанного в угол зверя, готового вцепиться в глотку.

Но вспышка погасла также быстро, как и появилась. Лицо женщины снова стало безмятежным.

- Простите? - она удивлённо приподняла тонкую бровь. - Я ничего не говорила, Татьяна Фёдоровна. Вам, верно, показалось. Должно быть, это ваши нервы. Отдых вам просто необходим.

- Да, скорее всего, - я заставила себя улыбнуться. - Подсознание иногда играет с нами злые шутки.

Вот оно что... Значит, покойница в голове новой хозяйки

дома. Она использует её как проводник и управляет Марией.

Хозяйка дома пошла прочь, шелестя платьем. Я же закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, чувствуя пробегающий по позвоночнику холод. Мария Павловна делила свой разум и тело с кем-то другим. И этот «кто-то» обладал колоссальной волей. Чтобы вот так перехватывать управление живым человеком, мертвец должен быть буквально припаян к его душе.

Сначала он просто шепчет, затем начинает влиять на эмоции, а в финале вытесняет личность, превращая человека в пустую оболочку, марионетку. Судя по всему, Мария уже начала терять контроль над своим телом. Покойница уже проросла в неё, как плесень в старую стену. Но кто эта женщина, что так яростно цепляется за жизнь через чужую плоть? Бывшая жена? Нужно выяснить это. И чем быстрее, тем лучше.

Я сначала присела на кровать, а потом легла, раскинув руки. Вечер обещал быть насыщенным. Если Аристархов ждёт гостей, значит, у меня будет отличная возможность понаблюдать за Марией в социальной среде. Ну что ж, «вдова боевого товарища» готова к выходу. Посмотрим, чья воля окажется сильнее.

Глава 11

Я прикрыла глаза, сосредоточилась и медленно приотворила «внутреннюю дверь». Странно... меня встретила противоестественная, почти вакуумная тишина. Это было ненормально. Неужели в особняке Аристарховых нет ни одного застрявшего между мирами? Ни одного призрака слуги или несчастного родственника, который по законам жанра должен был бы обитать в таком старом доме? Я уже хотела было закрыть канал, решив, что дом «стерилен», как вдруг у самого края моего сознания прозвучал едва различимый, вибрирующий от ужаса шёпот:

- Вы слышите меня? Пожалуйста... - голос принадлежал совсем молодой девушке, почти ребёнку.

Я замерла, боясь спугнуть эту тонкую нить связи. И ото-звалась, сохраняя спокойствие:

- Я слышу тебя. Кто ты?

- Она поймала меня, - всхлипнул голос. - Она не даёт уйти. Она всех нас... ест. Не смотрите ей в глаза, госпожа. Она заберёт ваше лицо!

По спине пробежал холод. Это было что-то новенькое... Не просто призрак, а какой-то некротический хищник.

- О ком ты говоришь? О Марии Павловне? - спросила я, стараясь вытянуть из испуганной гостьи больше фактов.

- Нет... Хозяйка была доброй. А эта пришла из подвала!

Она говорит, что ей нужно новое тело, чтобы снова носить жемчуга. Бегите отсюда... Она уже знает, что вы не та, за кого себя выдаёте. Она чувствует...

Голос внезапно оборвался, сменившись резким ледяным сквозняком, хотя окна в комнате были плотно закрыты. Я открыла глаза. Хм... значит, Мария Павловна всё-таки жертва. И в этом доме есть кто-то из прошлого семьи Аристарховых, решивший, что смерть — это лишь досадная задержка перед следующим выходом в свет.

Если это зло хочет поиграть в кошки-мышки, оно выбрало не того противника. Теперь я умела забивать гвозди в крышку гроба так, чтобы она больше не открывалась.

В дверь постучали, и я села, проведя рукой по лицу, словно отгоняя тьму, клубящуюся рядом.

- Войдите.

В комнате появилась та самая горничная, что подавала чай. Она принялась расставлять на столике фарфоровые тарелки, от которых поднимался аромат наваристого бульона и запечённой рыбы.

- Как тебя зовут, милая? - спросила я, наблюдая за её ловкими руками.

- Дарьей кличут, сударыня, - служанка присела в коротком поклоне, не поднимая глаз.

- Скажи, Дарья, а давно ли Николай Михайлович овдовел? Когда преставилась его первая супруга?

Служанка на мгновение замерла с соусником в руках.

- Так в январе аккурат год миновал. Как раз на Крещение и схоронили, - она суетливо перекрестилась.

«Недолго по жене убивался Николай Михайлович, - мелькнула циничная мысль. – Всего через год в доме уже новая молодая хозяйка».

- Болела, должно быть? - сочувственно протянула я, подталкивая девушку к откровениям.

Дарья замялась, оглянулась на закрытую дверь и, не выдержав тяжести тайны, подалась чуть вперёд, понизив голос до шёпота:

- Болеть-то болела, сударыня... Ноги у Азалии Степановны еще три года назад отнялись. В кресле хозяйку катали. Да только не немощь её прибрала. Сама она... грех на душу взяла. Нашли её в петле. В подвале. Повесилась барыня, прости Господи!

Я напряглась. Самоубийство - идеальный способ для появления тёмной энергии. Но чтобы дух обладал такой силой, одних страданий мало.

- Что же могло толкнуть женщину на такой шаг? - спросила я, вынимая из ридикюля серебряный полтинник.

Дарья испуганно округлила глаза:

- Только я вас молю, сударыня, не погубите! Коли хозяин узнает, что я язык распускаю, взащей прогонит!

- Не бойся, Дарья. Никто не узнает о нашем разговоре, - я вложила прохладный кругляш ей в ладонь.

Девушка молниеносно спрятала монету в глубокий кар-

ман фартука и заговорила ещё тише:

- Покойная Азалия Степановна, поговаривают, с самим нечистым зналась! Как ноги отнялись, она совсем умом повредила. Слуги сказывали, будто из её спальни по ночам не то стоны доносились, не то песнопения на языке непонятном. А один раз казачок* наш Ефимка в щёлку подсмотрел: сидит барыня в кресле, а тени вокруг неё по стенам пляшут: высокие такие, с рогами... И шепчутся. Азалия Степановна ведь в подвал-то спустилась сама! С кресла встала, дошла до крюка и петлю накинула. Как есть: дьявол её на руках донёс!

Дарья снова перекрестилась и посмотрела по сторонам. После чего поспешно сказала:

- Вы кушайте, Татьяна Фёдоровна. Остынет всё. А я пойду.

Служанка ушла, а я принялась за бульон. Который оказался на удивление вкусным. Значит, первая жена Аристархова занималась оккультизмом и, судя по всему, весьма успешно. Скорее всего, она не просто повесилась. А провела ритуал, который позволил ей остаться в этом доме.

Дарья вернулась за посудой и принесла мне халат. После чего, бережно подхватив моё платье, пообещала вернуть его в безупречном виде. Я снова легла на кровать и под мерный стук капель по карнизу задремала.

Проснулась я, когда комната уже погрузилась в густые сизые сумерки. Ледяной дождь стих, уступив место снегопаду. Огромные хлопья лениво кружились в свете уличных фона-

рей, укрывая тротуары и чёрные лакированные крыши экипажей пушистым белым саваном.

Я зажгла свечи, и язычки пламени заплясали в зеркалах, разгоняя тени по углам. Приоткрыв «дверь», прислушалась. Тишина. Вакуумная пустота никуда не исчезла.

Внизу, у парадного входа хлопнула дверца кареты. Послышались приглушённые голоса и тот же момент раздался стук в дверь.

- Пора к ужину собираться, Татьяна Фёдоровна, - в комнату вошла Дарья, неся на вытянутых руках моё платье. — Уж гости съезжаются.

Умывшись прохладной водой, я позволила девушке затянуть корсет и помочь с пуговицами. Это будет моя первая встреча с местным обществом. Волнительно, да... Но интерес был куда сильнее.

Я вышла в коридор, освещённый матовыми газовыми рожками. И, спустившись по лестнице, вошла в гостиную. Николай Михайлович, заметив меня, сразу же подошёл и с улыбкой обратился к своим гостям:

- Дорогие друзья, позвольте представить вам нашу гостью! Вдова моего доблестного боевого товарища — Татьяна Фёдоровна Ведовская. Прошу любить и жаловать.

Я склонила голову, принимая приветствия. Взяв меня под локоть, Аристархов принялся знакомить с присутствующими. Первыми была чета Ипатьевых. Алексей Тихонович, действительный статский советник, напоминал выс-

шенную воблу в тугом воротничке. Строгий, костлявый, с глазами-свёрлами. Его супруга, Елизавета Ивановна, была полной противоположностью: дородная сдобная женщина в чересчур ярком для её возраста платье. Она так активно обмахивалась веером, что казалось, будто рядом работает ветряная мельница.

Затем был представлен Евгений Владимирович Корж, полковник генштаба. Статный мужчина с безупречно подстриженными усиками и манерами истинного кавалериста. Он поцеловал мне руку, задержав в своей на секунду дольше, чем позволяли приличия. За ним стояла симпатичная молодая вдова Ирина Борисовна Колесникова. Её взгляд с легкой поволокой и лисьим прищуром выдавал охотницу за мужскими сердцами.

Пока я обменивалась любезностями, внутри меня начало происходить нечто странное. Это было физическое ощущение чужого присутствия, словно кто-то невидимый медленно проводил ледяным пальцем вдоль моего позвоночника, пытаясь нащупать уязвимое место. Холод сменился резким удушливым жаром, когда Аристархов сказал:

- А это наш уважаемый гость — Дмитрий Александрович Северский. Он служит при Департаменте полиции.

Из тени у камина, где до этого едва угадывался силуэт, выступила высокая фигура. Свет свечей упал на лицо мужчины, и меня обдало такой жаркой волной, что на мгновение потемнело в глазах. Это он приезжал в скит к отцу Зосиме!

Тайный советник, обладающий тёмным даром. Северский подошёл ближе, и моё горло перехватило железной хваткой предчувствия какой-то неизбежности. Мы стояли в нарядной столовой среди смеха и светской болтовни, но в этот момент для меня существовал только этот человек и эта незримая, пугающая мощь, исходящая от него.

- Рад знакомству, сударыня, - произнёс Северский низким бархатным голосом, который резонировал где-то внутри моих ребёр. Мир вокруг на мгновение потерял чёткость, превращаясь в размытое пятно из золотого света свечей. Это было пугающе и притягательно одновременно. Жутковатое ощущение края обрыва, бездна которого мягко манит вниз.

Я почувствовала, как тонкий и острый «луч» потомка чернокнижников, словно скальпель хирурга, коснулся границ моего сознания. И мгновенно выставила «заслон», как учил отец Зосима. Представила, как внутри меня захлопываются тяжёлые свинцовые ставни, превращая мой разум в глухую, тёмную и абсолютно пустую комнату. Я вытеснила из мыслей всё: свою силу, свое прошлое. Осталась лишь оболочка - скромная, раздавленная горем вдова, чья единственная забота — не упасть в обморок от духоты.

- Рада знакомству, Дмитрий Александрович, - мой голос прозвучал ровно и чуть хрипло. Я медленно протянула ему руку. Северский взял мои пальцы, а потом поцеловал, опаяв своим дыханием нежную кожу на запястье. Это было почти интимно, вызываящее и бесконечно опасно. В этом жесте

чувствовался скрытый, почти животный магнетизм.

В какой-то момент мне показалось, что между его губами и моей рукой проскочил мистический разряд. Он поднял голову, и наши глаза встретились. Во взгляде Тайного советника промелькнуло ледяное любопытство и немой вопрос. Он тоже почувствовал это.

- У вас удивительно холодные руки, Татьяна Фёдоровна, - произнёс Северский, не выпуская моей ладони. - Говорят, это признак либо слабого сердца, либо очень сильной воли. Как вы считаете, что из этого применимо к вам?

Я не успела ответить. В дверях появилась Мария Павловна, и внимание Северского мгновенно переключилось. Хозяйка дома приветствовала гостей, и меня снова удивил её облик. На молодой женщине был избыточно роскошный наряд из плотного бархата цвета запёкшейся крови. Огромный турнюр, сложная драпировка и высокая глухая стойка воротника, украшенная пожелтевшими от времени кружевами шантильи. Это платье явно не для двадцатипятилетней девушки. Такой фасон скорее предназначался для дам весьма почтенного возраста. Массивная брошь с чёрным агатом выглядела на хрупкой груди Марии Павловны, как осколок могильного камня. Похоже, подселенка начала диктовать хозяйке тела, как выглядеть. Азалия Степановна планомерно вытесняла личность девушки.

- Вы сегодня ослепительны, - подал голос Ипатьев, хотя в его глазах мелькнуло недоумение.

- Благодарю, Алексей Тихонович, - ответила Мария. Её голос стал глубже, в нем прорезались властные нотки, которых я не слышала утром.

Хозяйка дома бросила на меня короткий взгляд, и я увидела, что белки её глаз покрыты сеткой лопнувших капилляров, а зрачки сужены. Жизненная сила уходила.

Я покосилась на Северского. Он смотрел на Марию Павловну с нескрываемым интересом.

- Прошу к столу, господа! - громко произнёс Аристархов, делая вид, что всё в порядке. Но в глазах закоренелого материалиста плескался страх...

Интересные факты:*Казачок - так в старинном дворянском быту называли мальчика-слугу, одетого в казакин или черкеску.

Главная задача казачков - быть быстрее всех: подать трубку, принести письмо, сбегать за извозчиком или объявить о приезде гостя. Выбор именно казачьего костюма был данью моде на «кавказскую экзотику» и военную эстетику.

Мальчик должен был быть миловидным, подтянутым и создавать своим видом атмосферу «лихости» и достатка в доме. Это был своего рода маркер статуса хозяина. Для крестьянских детей попасть в «казачки» к высокопоставленному лицу было шансом выбиться в люди. Из толковых казачков позже вырастали преданные камердинеры, дворецкие или даже мелкие чиновники, если хозяин решал дать парню

образование.

Казачки видели и слышали всё. Они присутствовали при самых интимных и секретных разговорах, потому что их часто воспринимали как мебель. Если нужно было узнать сплетни из спальни или кабинета, подкупали именно казачка. Несмотря на нарядную форму, жизнь казачка была не сахар. За малейшую медлительность или разбитую вазу их нещадно пороли на конюшне.

Глава 12

Ужин начался с подачи холодных закусок: на серебряных блюдах красовалась стерлядь в прозрачном желе, украшенная ломтиками лимона, тончайшие пластины буженины с хреном, “лодочки” закусочных расстегаев с аппетитными начинками. Позже лакеи бесшумно разнесли дымящееся прозрачное консоме с профитролями. А основным блюдом стал фазан под сложным ягодным соусом.

Я сидела, зажата между галантным, но скучным полковником Коржом и щебечущей о последних сплетнях Елизаветой Ивановной. Вежливо кивала, вставляла уместные «ах» и «неужели», но мой взгляд, словно примагниченный, постоянно возвращался к груди Марии Павловны.

Агатовая брошь не давала мне покоя... Да... точно... она была на молодой хозяйке дома и утром. Крупный кусок чёрного камня в виде жука, оправленный в тусклое золото. Его хитиновые крылья были сложены, а по краям виднелись микроскопические иероглифы. Скарабей.

Словно прочтя мои мысли, Северский вдруг поинтересовался:

- Мария Павловна, простите мою навязчивость, но ваша брошь приковывает взгляд. Если я не ошибаюсь, это не просто антикварная вещица?

- Вам нравится, Дмитрий Александрович? – хозяйка дома

коснулась камня длинными бледными пальцами. - Это семейная реликвия.

- Это «Иб» - амулет сердца из Древнего Египта, - произнёс Тайный советник, прищулив свои пронзительные глаза. - Согласно «Книге Мёртвых», такой скарабей должен был лежать на сердце усопшего во время взвешивания его души в чертогах Маат.

- Дмитрий Александрович, неужто вы еще и египтолог? - вдова Колесникова бросила на него кокетливый взгляд. — Столь специфические познания в обрядах... Это весьма интригует.

Северский едва заметно улыбнулся.

- Лишь скромный интерес исследователя, сударыня. У древних египтян было своеобразное, я бы сказал, прагматичное отношение к смерти. Они не считали её концом, скорее паузой. И верили, что если правильно подготовить сосуд и закрепить дух соответствующим якорем, то великое путешествие можно отложить. Или вовсе изменить его маршрут.

Я слушала его, а в голове всплывали кадры из фильмов о мумиях, мой единственный источник информации о Египте. А что, если и подселенка использует амулет, чтобы быть привязанной к телу? Интересно, что будет, если он исчезнет?

- Вы правы, Дмитрий Александрович, - голос Марии Павловны прозвучал низко, с наставительными нотками, несвойственными молодой женщине. - Египтяне знали, что плоть — это всего лишь оболочка для души. Говорят, если

положить такого скарабея в рот покойному, он сможет говорить голосом живого...

За столом воцарилась гробовая тишина. Полковник Корж поперхнулся вином, а Елизавета Ивановна Ипатьева испуганно перекрестилась. Хозяин дома Николай Михайлович заметно напрягся.

И вдруг на долю секунды маска безупречного самообладания на лице Марии Павловны треснула. До этого холодные глаза вдруг расширились, в них плеснула такая живая человеческая мука, что у меня перехватило дыхание.

- Помогите... - выдохнула она, вцепившись в край стола. Но в следующий миг «хозяйка» вернулась. Черты лица ожесточились, взгляд снова стал надменным и тяжёлым, как могильная плита. Николай Михайлович бросился к супруге, едва не опрокинув бокал.

- Что такое, дорогая? Тебе плохо?

Мария Павловна медленно приподняла бровь.

- С чего мне должно быть плохо, голубчик? Я просто хотела сказать: помогите мне встать, здесь невыносимо душно. Я хочу глоток свежего воздуха.

Аристархов помог жене подняться, и она направилась к окну. Слуга тут же отдернул портьеру и приоткрыл створку. В тёплую столовую ворвался колючий морозный воздух, но я видела, что женщина не дышит им, стоя, как изваяние.

Дело было не в духоте. Это остатки сознания настоящей Марии Павловны задыхались под гнётом чужой чёрной воли.

Времени у неё почти не осталось; подселенка вытесняла её.

Я перевела взгляд на Северского. Он сидел, слегка откинувшись на спинку стула, и его пальцы медленно поглаживали ножку бокала. Прищуренный взгляд Тайного советника был направлен в спину Марии Павловны. Он всё понимал и фиксировал каждую секунду этого жуткого спектакля. В голове мелькнула мысль: «Почему отец Зосима так настойчиво велел мне закрываться от Северского? Прятать свой дар?».

У меня появилось чувство, что Дмитрий Александрович не пытается как-то помочь хозяйке дома, в котором, похоже, нередко бывал. Ему требовалось что-то другое... Но что? Мне нужно было срочно написать письмо в скит. Я хотела знать правду.

Но всё это потом. Сейчас главная моя забота – спасти ни в чём не повинную женщину. Действовать нужно без промедления.

Когда ужин подошёл к концу, общество переместилось в малую гостиную для игры в винт и преферанс. Мужчины закурили сигары, и комнату окутал тяжёлый сладковатый дым. Сославшись на головную боль, я поднялась к себе.

Времени у меня до рассвета, не больше. В памяти всплывали наставления отца Зосимы: «Дух, удерживаемый насильно или через предмет, подобен гною в закрытой ране. Пока не вскроешь - не очистишь.». Сначала нужно забрать амулет. Пока он на Марии Павловне, она лишь сосуд с плотно завинченной крышкой. А ещё нужно найти место, где

умерла Азалия Степановна. По словам горничной, это подвал. Плюс мне понадобятся кое-какие атрибуты для ритуала изгнания. Зеркало, которое «видело» обитателей дома. Ведь оно — ловушка для отражения. Дух узнает себя в нём и на мгновение обретёт форму. Свеча из неочищенного воска: её пламя будет единственным ориентиром в пустоте. И, конечно же, личная вещь покойницы.

Попросить прислугу проводить меня в подвал? Исключено. Аристархова тоже нельзя привлекать. Если хозяин дома бросится мне помогать, об этом тут же узнает его покойная супруга. Стараясь дышать ровно, я присела на край кровати, прикрыла глаза и начала медленно, сантиметр за сантиметром, приоткрывать свою внутреннюю «дверь».

- Отзовись, милая, прошу тебя... - прошептала я, призывая духа, с которым мне удалось немного поговорить утром. - Я знаю, что ты здесь. Помоги мне. Покажи место смерти покойной барыни.

В комнате резко похолодало. Свечи на каминной полке затрещали, пламя вытянулось и приобрело синеватый оттенок. Я почувствовала лёгкое, как паутинка, прикосновение.

- Быстрее... - прошелестел голос, от которого по коже пробежала ледяная волна. - Она рядом... Она всё чувствует...

И тут же в центре комнаты появился белый сгусток, напоминающий размытый блик на линзе. Он качнулся и поплыл к двери. Я пошла следом.

Несмотря на то, что гости развлекались в гостиной, слуги

продолжали выполнять свои обязанности. Оказавшись в той части дома, где располагалась кухня и другие подсобные помещения, я прижалась к стене, когда в конце галереи мелькнул свет масляной лампы. Мимо прошёл лакей, а следом за ним пробежала служанка с самоваром. Нужно быть осторожнее.

Сгусток плазмы просочился сквозь толстые двери, находящиеся в конце коридора. Она была не заперта. Вниз уходила узкая лестница. В лицо пахнуло сыростью и дешёвым табаком, который курили истопники. Потянуло могильным холодом. Но, несмотря на неприятные ощущения, я начала спускаться. Когда лестница закончилась, я оказалась в обширном сводчатом помещении с небольшими окошками под самым потолком. В них пробивался тусклый свет уличных фонарей. Воздух здесь был неподвижным, пропитанным запахом плесени. Я подняла голову, повинувшись инстинктивному чувству тревоги. Взгляд упёрся в массивную дубовую балку. Из неё торчал большой кованый крюк. Внутренности скрутило тугим узлом, отзываясь острой режущей болью в висках. Пространство вокруг крюка вибрировало. Я видела остаточное эхо агонии, судорожные движения ног, выбивающих табурет...

Сделав глубокий вдох, я постаралась не поддаваться этому состоянию. Место силы найдено: точнее, место проклятия. Теперь мне нужно было заполучить амулет-скарабей. Без него я не смогу вытянуть сущность из тела Марии Пав-

ловны и привязать её здесь, к этому крюку, чтобы окончательно отправить в небытие.

Глава 13

Вернувшись в свою комнату, я не стала зажигать лишних свечей и, оставив только одну, подошла к окну. Стрелки на часах показывали половину двенадцатого. Петербург погружался в морозную мглу, в которой кружились крупные снежинки. Я наблюдала, как к парадному крыльцу подаются экипажи. Из приоткрытых дверей особняка доносились обрывки прощальных фраз и приглушённый смех, громко хлопали дверцы карет.

Вскоре дом затих, погружаясь в сон, а я сидела в полумраке, размышляя над своими дальнейшим действиями. Какой бы сильной ни была покойница, она сейчас заперта в человеческом теле, а плоть живет по своим законам. Тем более душа Марии Павловны ещё находится внутри. Отец Зосима объяснял это просто: во время глубокого сна связь между подселенцем и сознанием ослабевает. Организм уходит на «перезагрузку», и в этот момент контроль сущности над мышцами и чувствами падает почти до нуля. Она может видеть сны, может метаться внутри, но она не может мгновенно «включить» тело. Это мой единственный шанс.

Я выждала ещё несколько часов и позвала свою невидимую помощницу. Она откликнулась сразу, словно ждала моего призыва.

- Покажешь мне, где комната Марии Павловны?

- Да-а-а-а...

- А ещё мне нужна какая-то вещь усопшей.

В нескольких шагах от меня снова появился светящийся сгусток потусторонней энергии. Он качнулся и поплыл к двери. Я быстро сняла с подушки наволочку и направилась за провожатой.

Коридор тонул в густых тенях, лишь тусклые ночники на стенах едва разгоняли мрак. Снаружи завывал ветер, швыряя пригоршни колючего снега в оконные стёкла. Сгусток плазмы прошёл сквозь стену у одной из дверей, и, войдя внутрь небольшой комнаты, я увидела, что он завис над изящным бюро. Руки чуть подрагивали, выдвигая ящик. В нём лежал красивый письменный набор. Наверняка, он принадлежал бывшей барыне. Я взяла перьевую ручку и положила её в карман. После чего сунула в наволочку нож для писем, настольное зеркало в серебряной оправе и свечу из жёлтоватого воска, которую вытащила из подсвечника.

Сгусток довёл меня до белой двери в конце коридора.

- Не могу дальше-е-ее... - мерцание стало неровным, лихорадочным. А потом он вообще исчез.

Я нажала на ручку, но она не поддалась. Заперто изнутри. Что ж, это прогнозируемо. Я достала из наволочки нож для писем, и тонкое лезвие скользнуло в щель между дверью и косяком. Нащупав язычок механизма, надавила, чувствуя, как металл сопротивляется, а затем раздался щелчок. У меня получилось! Осторожно переступив порог спальни, я огля-

делась. Здесь царил жуткий холод. В рассеянном свете одинокой свечи Мария Павловна, лежащая на огромной кровати, казалась неживой. Её руки были скрещены на груди, тело вытянуто. А на нежном кружеве сорочки тускло поблескивал амулет-скарабей. Похоже, женщина не снимала его даже на ночь.

Я положила наволочку с вещами на ковёр и склонилась над ней. Мои пальцы коснулись холодного камня броши. В ту же секунду глаза Марии Павловны открылись. Два бездонных провала, залитые абсолютной маслянистой чернотой. Ни белков, ни зрачков, только пустота иного, страшного мира. Адреналин ударил в виски так сильно, что меня даже пошатнуло. Но отступать было поздно.

Я рванула замок броши, и ткань сорочки с треском порвалась. В этот момент губы Марии Павловны, бескровные и сухие, растянулись в широкой неестественной улыбке, обнажая зубы.

- Думаешь, успеешь?.. - выдохнула она вместе с облачком серого пара.

Я сжала скарабея в кулаке так сильно, что грани камня впились в ладонь. Подхватив наволочку, бросилась вон из комнаты. Тишина особняка взорвалась для меня грохотом собственного пульса. Я летела по коридору, чувствуя, как за спиной сгущается мрак. Нужно было добраться до лестницы в подвал. Я буквально тащила за собой это зло в ледяную пасть подземелья. Шлепки босых ног по полу за моей спиной

звучали жутко. Главное - не оглядываться. Если я посмотрю назад, меня накроет паника.

Рванув дверь в подвал, я всё-таки не удержала равновесие и кубарем скатилась вниз. Боль была острой, но адреналин действовал лучше любого морфия. Я вскочила и, тяжело дыша, бросилась к центру помещения. Прямо под кованный крюк. Звук босых ног на лестнице приближался. Дрожащими пальцами я выставила перед собой зеркало. Серебряная оправа блеснула в полумраке, поймав в себя черноту дверного проёма. Пламя зажжённой свечи заплясало в отражении, создавая узкий коридор света. После этого достала из кармана ручку и положила вместе с амулетом между зеркалом и колышущимся источником света.

И тут в проёме показалась она... Белая сорочка Марии Павловны казалась саваном, распущенные волосы спутались, на бледном лице горели два чернильных провала глаз. Она замерла на пороге и прохрипела:

- Семь имён смерти призываю на твою кровь: да будет стёрто имя твоё из Книги Живых, и тень твоя станет твоей тюрьмой! Малкут закрыт, Кетер погас - ты меж мирами, в чреве Левиафана навеки!

Подселенка сделала шаг вперёд, и я поняла: если она переступит черту света, мне конец. Заставив себя смотреть прямо в черноту её глаз, я вспоминала слова отца Зосимы. Нужно было ударить по злобной твари тем, что она ненавидит больше всего - истинным светом и порядком.

- Живущий под кровом Всевышнего, под сенью Всемогущего покоится, говорит Господу: «прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!». Он избавит тебя от сети ловца, от губельной язвы, перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен; щит и ограждение – истина Его. Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днём, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень. Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя! Я - свет, ты – тень! Ибо нет тебе места в храме живом! Скройся в отражении, кани в бездну, из которой пришла!

Зеркало вдруг загудело. Пламя свечи взметнулось вверх тонкой иглой, приобретая ослепительно белый цвет. Мария Павловна замерла, её тело выгнулось дугой, а лицо исказилось в беззвучном крике. Из открытого рта хозяйки дома потянулся тёмный вязкий дым, который тут же устремлялся в зеркальную гладь. Отражение в зеркале начало меняться: в нём проступило лицо пожилой женщины. Синее, отёкшее, с безумным взглядом.

- В зеркало! – приказала я. - Твоё время вышло! Уходи!

Скарабей на полу вдруг вспыхнул зелёным огнем, в тот же момент раздался оглушительный треск. Зеркало пошло мелкой сеткой трещин, запечатывая внутри себя зло. Мария Павловна рухнула на каменный пол как подкошенная. Я подползла к ней и прижала пальцы к шее. Пульс был слабым, но ритмичным. Поднявшись, я на дрожащих ногах пошла к выходу. Нужно разбудить Николая Михайловича, чтобы он

распорядился забрать свою супругу из подвала.

Поворот ключа в замке входной двери. В такое время? Не раздумывая, я нырнула в глубокую нишу под лестницей. Дверь открылась, и в дом шагнула припорошенная снегом высокая фигура. Северский! Что он здесь делает? Я тут же поставила «заслон». Я уже взялась за перила в холле, как вдруг услышала за своей спиной странный звук.

А Дмитрий Александрович остановился и словно прислушивался к дому. Он снял правую перчатку, поднял руку, будто пытаясь поймать невидимые нити, вибрирующие в воздухе. Голова Тайного советника медленно повернулась в сторону коридора, ведущего в подсобные помещения и подвал. В неярком свете единственного светильника я видела его профиль - холодный, точёный, как на античной монете. На мгновение брови Северского дрогнули, а губы скривились в гримасе разочарования, смешанного с крайним удивлением. Он резко встряхнул рукой, словно к его коже прилипло нечто нечистое. Из внутреннего кармана он достал небольшой платок, и до меня донёсся едва уловимый аромат камфоры. Дмитрий Александрович тщательно, почти брезгливо вытер каждый палец, затем надел перчатку и вышел вон, также тихо заперев за собой дверь. Зачем он приходил? Что пытался почувствовать? Не человек, а сплошная загадка.

Я выбралась из своего убежища и, поднявшись наверх, первым делом спрятала вещи, использованные в ритуале. Завтра же их нужно уничтожить. А потом направилась к

спальне Марии Павловны, предполагая, что комната её супруга находится рядом.

- Что такое?! Кто там?! - раздался голос Аристархова, когда я постучала в дверь. Он был хриплым, пронизанным раздражением человека, сон которого нарушили.

- Это Татьяна Фёдоровна.

Через несколько минут он предстал передо мной в халате, с растрёпанными волосами.

- Прошу прощения за поздний визит, Николай Михайлович. Прикажите забрать вашу супругу из подвала. Но не переживайте, с ней всё в порядке. Недуг, терзавший тело и разум Марии Павловны, больше не вернётся. Я гарантирую вам это, - сказала я, глядя на его растерянное лицо.

Аристархов смотрел на меня с нелепой смесью надежды и полного недоумения. Хозяин дома открывал рот, словно хотел расспросить о подробностях, но слова застревали у него в горле.

- Да... да, конечно... - наконец выдохнул он. - Я сейчас же... распоряжусь. Татьяна Фёдоровна, я... я не знаю, как вас благодарить.

- Не нужно благодарностей. Завтра мы обсудим дальнейший уход за Марией Павловной. А сейчас мне нужно отдохнуть. Доброй ночи, - устало произнесла я и, улыбнувшись Аристархову, пошла прочь.

Глава 14

Я задумчиво сидела в кресле, глядя, как солнечные лучи подсвечивают пылинки, танцующие в воздухе. Мысли постоянно возвращались к чете Аристарховых. Азалия Степановна была паразитом, планомерно выкачивающим соки из слуг, чтобы напитать свою призрачную оболочку и окончательно вытеснить Марию Павловну. Вместе с этой злобной тварью ушла и та кроткая душа, что пыталась мне помочь. Где-то в глубине души зашевелился страх. Меня пугала не сама мистика, а осознание масштаба. Если обычная покойница смогла устроить такой террор в отдельно взятом особняке, то на что способны более сильные подселенцы?

Мои размышления прервал стук в дверь, после чего в комнату вошёл Григорий.

- Вам письмо, Татьяна Фёдоровна. Только что доставили нарочным.

Я поблагодарила его кивком. Когда дверь за слугой закрылась, взглянула на конверт. Ни малейшего намека на отправителя - ни штемпелей, ни обратного адреса. Вскрыв послание, я достала плотный лист с гербовым тиснением.

К. П. Победоносцев». «Уважаемая Татьяна Фёдоровна, До меня дошли известия о благополучном разрешении при-
скорбного случая в доме Николая Михайловича. Мой добрый друг пребывает в состоянии глубокого облегчения и ис-

кренней признательности, которую я разделяю в полной мере. Считайте это малым испытанием перед большой дорогой. Надеюсь, что небольшой отдых будет продуктивным, ибо интересы государства редко позволяют нам долго пребывать в праздности. С искренним уважением.

Прошло несколько дней. Утро вторника выдалось очень холодным. Я сидела в столовой, рассеянно помешивая ложечкой крепкий чай, когда раздался стук дверного молотка. Вскоре послышались приближающиеся шаги, и в комнату вошёл Григорий. Первое дело завершено.

- К вам посетитель, Татьяна Фёдоровна.

Слуга отошёл в сторону, и я увидела незнакомого мужчину. Высокий широкоплечий шатен с военной выправкой, одетый в тёмно-синий мундир с серебряными пуговицами и высокие лакированные сапоги. В руках незнакомец держал форменную фуражку. Его можно было назвать красивым, если бы не глубокий рваный шрам, идущий от виска до самого подбородка. Но, как ни странно, он не уродовал мужчину, а лишь придавал облику суровую завершённость. Его стального цвета глаза медленно скользнули по моему лицу, задерживаясь на губах и линии шеи. Шрам на лице слегка дёрнулся.

- Доброе утро, Татьяна Фёдоровна, - голос посетителя был низким, с приятной хрипотцой. - Позвольте представиться. Полковник Родин Александр Васильевич. По распоряжению Константина Петровича я назначен командиром группы особого назначения, прикомандированной к вам.

Я медленно поднялась, понимая, что спокойные дни закончились.

- Рада знакомству, Александр Васильевич. Чаю?

Полковник Родин отрицательно покачал головой, не сводя с меня своих необычных серых глаз.

- Благодарю, Татьяна Фёдоровна, но вынужден отказаться. Вы должны немедленно проехать со мной на место преступления. Экипаж ждёт у входа.

- Что случилось? – во мне тут же проснулся интерес.

- На смоленском кладбище нашли тело мужчины. Остальное увидите сами, - ответил полковник. – Поторопитесь.

Я кивнула и, позвав Григория, распорядилась, чтобы мне принесли одежду. Через пару минут появилась запыхавшаяся Прасковья с перекинутым через руку пальто и шляпкой и помогла одеться.

Мы вышли на улицу, и Родин подал мне руку, помогая подняться в карету. Экипаж тронулся, мерно покачиваясь на булыжной мостовой. Я наблюдала за мелькающими в окне строгими фасадами Петербурга, а полковник молча сидел напротив, неподвижный, как статуя. Наконец он нарушил тишину:

- Татьяна Фёдоровна, раз уж нам предстоит работать вместе, я бы хотел прояснить некоторые моменты сразу, чтобы избежать недопонимания в будущем. Я подчиняюсь приказам Константина Петровича и признаю ваш... специфический талант. Однако я настаиваю на том, чтобы вы не обо-

льщались на свой счет и не считали себя главной в нашей группе. Несмотря на ваш дар, вы, прежде всего, женщина. А женская природа по определению более хрупка и склонна к излишним волнениям и впечатлительности. Ваша задача - давать ответы. Но распоряжаться людьми, принимать решения буду я. В моём подразделении царит дисциплина.

Родин замолчал, ожидая моей реакции. Типичный представитель своего века: для него я была чем-то вроде ценного, но крайне капризного и слабоумного инструмента.

Я медленно повернула голову, отрываясь от созерцания петербургских улиц, и встретила взгляд полковника.

- А теперь послушайте меня, Александр Васильевич. Если уж нам пришлось работать вместе, то будьте добры относиться ко мне с уважением, а не как к капризной барышне. Или вы априори не способны поставить женщину на одну ступень с собой? Считаете хрупким существом? Ошибаетесь. Так что давайте договоримся: как только мы переступаем черту, за которой начинается паранормальное, главной становлюсь я.

- Татьяна Фёдоровна, прежде чем демонстрировать свой гонор, нужно доказать, что вы на что-то способны, - отчеканил полковник, и в его голосе проскользнуло нескрываемое раздражение.

Я лишь коротко усмехнулась, снова отвернувшись к окну. Вскоре карета замедлила ход и остановилась. Я вышла из экипажа прежде, чем Родин успел обойти его, чтобы подать

мне руку.

- Следуйте за мной, - чуть напряжённо бросил полковник и, не оборачиваясь, направился к кованым воротам, у которых застыли жандармы. Небо над Смоленским кладбищем висело так низко, что, казалось, его можно коснуться рукой. Февральский ветер метался среди ветвей высоких деревьев, гнал по аллеям колючую позёмку, пробирался за воротник и жалил лицо. Я шла за Родиным, стараясь не смотреть на покрытые лишайником и глубокими трещинами надгробия. Однако тишина кладбища была обманчивой. Для обычного человека здесь царил безмолвие. Но стоило мне приоткрыть «дверь», как пространство вокруг буквально взорвалось эмоциями боли, страдания, горечи и тоски.

Мы свернули на боковую тропинку, и впереди, за тёмной стеной голых кустарников, я увидела оцепление. Это были крепкие мужчины в тёмных суконных шинелях с поднятыми воротниками и серых мерлушковых шапках. Заметив командира, они мгновенно вытянулись в струнку. Один из жандармов с густыми усами, подёрнутыми инеем, отдал честь.

- Здравия желаю, господин полковник!

Бойцы расступились, освобождая нам проход. Я чувствовала на себе любопытные взгляды охранников, но даже бровью не повела.

- Прощу, Татьяна Фёдоровна. Труп там, - командир указал рукой в сторону массивного гранитного надгробия.

Я решительно двинулась вперёд. Вид смерти не вызвал у

меня ни дрожи, ни дурноты. На плоской обледеневшей плите лежал мужчина-альбинос. Его кожа, похожая на тонкий фарфор, отливала мертвенной голубизной, а белоснежные волосы шевелили порывы ветра. Похоже, бедняге перерезали шею. На удивление, вид крови не вызвал у меня ни страха, ни дурноты. Но моё внимание приковало другое. На лбу убитого был вырезан странный знак – идеальный круг, внутри которого был вписан перевернутый треугольник, перечёркнутый вертикальной линией. Я присела рядом с телом и закрыла глаза. Нужно было заглянуть за грань, пока след ещё свеж. Сделав глубокий вдох, я приоткрыла «дверь», приказав кладбищенскому многоголосью замолкнуть. Но вместо привычного шёпота внутри яркой вспышкой промелькнуло видение.

Такое со мной было впервые.

Я увидела фасад старого трехэтажного особняка. И синюю эмалированную табличку, прибитую у входа. На ней белыми буквами значилось: «2-я линия В. О. домъ № 14».

От неожиданности я качнулась назад. Мир вокруг на мгновение потерял опору. Но сильные руки полковника успели подхватить меня.

- Татьяна Фёдоровна! Что с вами?

Я открыла глаза и, освободившись из его хватки, медленно поднялась.

- Я в порядке, Александр Васильевич. Мне было видение с адресом. Вторая линия В.О. дом номер четырнадцать.

- Васильевский остров... - задумчиво произнёс Родин, а потом спросил: - Это всё? Больше никакой информации мёртвый не передал вам?

- Это всё, - я заметила в глазах полковника недовольство. Нет, а что он ожидал? Что я тут же выложу ему имя убийцы? - Связь с потусторонним миром это не допрос в жандармском управлении.

- Поедем туда прямо сейчас, - Родин резко развернулся к своим людям. - В сопровождение за экипажем! Смирнов, остаёшься здесь за старшего до прибытия судебного медика!

Жандармы приложили руки к козырькам и быстро пошли по дорожке к главной аллее.

- А как же тело? - спросила я, бросив короткий взгляд на убитого.

- Не переживайте, его отвезут куда нужно, - сухо ответил командир. - В анатомический покой при Обуховской больнице. Следуйте за мной.

Мы снова сели в экипаж, и Родин сказал:

- Послушайте внимательно, Татьяна Фёдоровна. Мы не можем заявиться по этому адресу всей группой. Вы войдёте туда одна. Под любым предлогом: ошиблись адресом, ищите дальнего родственника. Вам нужно осмотреться. Мы будем ждать в переулке, в двух минутах бега. Если вы не выйдете через пятнадцать минут, группа вмешается.

- Хорошо, Александр Васильевич. Я всё поняла, - ответила я, чувствуя знакомые иголки адреналина.

Экипаж быстро двигался в сторону моста. За окном проплывали свинцовые воды Малой Невы, несущие грязный, колотый лёд. Ветер здесь, на открытом пространстве, свирепствовал ещё сильнее, раскачивая карету. Петербург Васильевского острова разительно отличался от центра: прямые, как стрелы, улицы, строгие фасады, бесконечные ряды доходных домов и величественные здания институтов.

Когда карета резко затормозила, Родин посмотрел на меня и повторил:

- Помните: пятнадцать минут. И без самодеятельности.

Я вышла из переулка и пошла по тротуару, рассматривая фасады. Вот этот дом! Синяя эмалированная табличка подтвердила: «2-я линия В. О. домъ № 14». Я поднялась по каменным ступеням и постучала в дверь. Послышались шаркающие шаги, потом звук отпираемого замка, и из темноты коридора передо мной возникла старуха. Вся в чёрном, сухая, как вобла, она смотрела на меня одним глазом - левый был затянут белёсой катарактой, похожей на застывший яичный белок.

- Прошу прощения. Не здесь ли проживают господа Прокофьевы? – вежливо поинтересовалась я. - Боюсь, я могла перепутать адрес.

- Нет, - голос привратницы был под стать внешности: сухой и каркающий. - Ошиблись вы. Нет здесь никаких Прокофьевых.

- Ах, как же так... - я театрально вздохнула, прижав руку

к груди. - Неужели я перепутала номер дома? А вы не знаете, может быть, они живут где-то по соседству?

- Не знаю я никаких Прокофьевых, - старуха не сводила с меня своего единственного глаза, явно намереваясь закрыть дверь. Но тут из глубины холла раздался мелодичный, почти девичий голос:

- Фёкла, что там за шум? Кто пришёл?

Из полумрака показалась молодая женщина в светлом платье из тончайшего кашемира. Ее лицо было воплощением милovidности: чистая кожа, лёгкий румянец и каскад тёмных кудрей, обрамляющих высокий лоб.

- Барышня адресом ошиблись, - проворчала старуха, нехотя отступая в сторону.

Я поняла: это мой единственный шанс переступить порог.

- Прошу прощения за беспокойство, - я устало прислонилась к косяку. - Видимо, я слишком долго блуждала на ветру... Можно глоток воды? Мне внезапно стало не по себе.

- Да, конечно! О чём речь! - девушка сделала приглашающий жест. - Фёкла, воды барышне. Быстро!

Я вошла и незаметно огляделась. Внутри дом выглядел абсолютно обыденно: добротная мебель, запах воска и полироля, дубовый паркет, натёртый до блеска... Удобное жилище зажиточных горожан.

- Благодарю вас, - сказала я, улыбнувшись хозяйке.

- Может, чаю? Согреетесь. Меня зовут Ольга Ивановна Гжельская.

- Нет-нет, спасибо! Мне нужно идти. А я Татьяна Фёдоровна Ведовская. Ищу сослуживца своего покойного мужа...

Я на мгновение приоткрыла свою внутреннюю «дверь». И в ту же секунду меня едва не сбило с ног. Прямо из самой глубины этого респектабельного особняка донёсся жуткий вопль о помощи. Он был полон такой агонии, что у меня от лица отлила кровь.

- Что с вами? - Ольга Ивановна сделала шаг ко мне. - Вам нехорошо? Вы побледнели как полотно.

- Нет, всё в порядке... - ответила я, стараясь говорить спокойно. - Просто резкая слабость. Пройдёт.

Тут появилась Фёкла с подносом, на котором стоял стакан. Я взяла его и поднесла к губам. Ледяная вода немного привела меня в чувство.

- Ещё раз благодарю за доброту, Ольга Ивановна. Всего доброго.

Поспешно откланявшись, я вышла на улицу. Это дом явно хранил жуткие тайны...

Глава 15

Я быстро зашагала вниз по тротуару, чувствуя на себе пристальный взгляд. Похоже, за мной наблюдали из окна. Стоило мне войти в полумрак переулка, как Родин вышел из кареты.

- Ну что там?

- На первый взгляд обычный зажиточный дом, - ответила я. - Но в нём действительно происходит что-то нехорошее. Хозяйка - Ольга Ивановна Гжельская. Довольно милая барышня. Я предлагаю не рубить с плеча. Мне стоит войти к ней в доверие, подружиться. Только так я смогу понять, что скрывается за стенами этого дома.

- У нас мало времени, Татьяна Фёдоровна. Пока вы будете ждать удобного случая, количество жертв может вырасти. Третьего дня точно такой же труп нашли в подмосковных Мытищах, неподалеку от имения графа Шереметева. Мужчина-альбинос. Перерезанное горло и тот же чёртов знак на лбу.

Полковник замолчал, и я увидела, как под его кожей заходили желваки. Ему явно претило слушать советы женщины. Но я не собиралась отступать.

- Послушайте, Александр Васильевич. Если идентичное убийство произошло в Подмоскowie, это означает лишь од-

но: мы имеем дело с разветвлённой сетью, тайным орденом или глубоко законспирированной организацией. Один ма-
няк не станет носиться между столицами, выискивая столь
редких жертв, как альбиносы. И если вы сейчас станете дей-
ствовать открыто, остальные просто затаятся!

Родин продолжал молчать, глядя куда-то поверх моей го-
ловы. Всё-таки логика во все времена была главным оружи-
ем.

- Вы предлагаете игру в кошки-мышки с теми, кто убивает
людей? – наконец спросил он, прищурившись.

- Я предлагаю не принимать поспешных решений. Поз-
вольте мне стать вашим ключом к этому дому, - я подняла на
полковника глаза и была удивлена, заметив тот же странный
взгляд. Он, казалось, изучал моё лицо с какой-то затаённой
болью.

- Хорошо. Попробуйте познакомиться ближе с Гжельской.
Сегодня я соберу о ней информацию и передам вам. Но учти-
те, Татьяна Фёдоровна: если через три дня у вас не будет
ни единой зацепки, мне придется доложить обер-прокурору,
что это дело не по вашим способностям. Пусть передают его
другой.

- По рукам, - я первая протянула ему руку.

Полковник на мгновение замешкался, глядя на мою ла-
донь так, словно я предлагала ему подержать заряженную
гранату. Но всё же крепко, по-мужски сжал её.

- Садитесь в экипаж, Татьяна Фёдоровна.

Ронин отпустил группу сопровождения и, резко развернувшись, направился к карете, чеканя шаг по промёрзшему тротуару. Я тоже сделала несколько шагов, как вдруг между лопатками пополз знакомый липкий холодок. Поддавшись внезапному импульсу, осторожно выглянула из-за угла. По лестнице дома Гжельской поднималась знакомая фигура. Северский.

В длинном чёрном пальто с меховым воротником он казался выходцем из другого мира. И я в который раз залюбовалась его готической красотой: пугающей, холодной, совершенной...

Дмитрий Александрович замер. Он медленно повернул голову, словно почувал мой взгляд. Но в этот момент дверь особняка распахнулась, и на крыльце появилась экономка Фёкла. Старуха не просто поклонилась гостю, а буквально сложилась пополам, едва не коснувшись макушкой ступеней. Не удостоив её даже взглядом, Тайный советник вошёл внутрь.

- Что вас задержало, Татьяна Фёдоровна? – поинтересовался полковник, когда я устроилась в карете.

- Булавка растянулась... В самом труднодоступном месте... - ответила я. Не знаю почему, но о Северском говорить командиру не хотелось.

Он кивнул, и дальше всю дорогу мы ехали в молчании. Родин смотрел в окно, и я видела в отражении стекла его хмурый профиль. Когда экипаж остановился у моего дома,

полковник повернулся ко мне и предупредил:

- Информацию о Гжельской вы получите к вечеру. И прошу вас: без самодеятельности. — он секунду помолчал, а потом добавил: - Если честно, Татьяна Фёдоровна, мне было бы куда проще работать с мужчиной. От них хотя бы знаешь чего ожидать. Всего доброго.

Я уже взялась за ручку дверцы, но эти слова заставили меня задержаться. Медленно обернувшись, я с холодной вежливостью произнесла:

- Понимаю вас, Александр Васильевич. Мужчины предсказуемы в своём желании вышибать двери головой там, где нужно просто повернуть ключ.

Я вышла из экипажа, не дожидаясь ответа, и зашагала к особняку, чувствуя, как его взгляд сверлит мне спину.

Посыльный от Родина прибыл около девяти вечера, когда за окнами особняка окончательно воцарилась северная хмарь. Я сидела в гостиной у камина, пытаюсь согреться горячим чаем. Огненные языки лениво терзали поленья, и мне совершенно ни о чём не хотелось думать.

В комнату почти бесшумно вошёл Григорий и протянул конверт из плотной бумаги.

- Посыльный принёс.

- Благодарю, Григорий. Можешь идти.

Я вскрыла пакет. Внутри было несколько листов, исписанных красивыми чёткими строчками.

Проживает одна с тремя слугами: экономка Фёкла, ку-

чер и горничная. Ведет образ жизни замкнутый, но не аскетичный. Посещает оперу, заказывает французские романы. Каждый вторник ровно в четыре часа пополудни Ольга Ивановна посещает книжную лавку «Линден и сыновья» на Литейном проспекте. Проводит там не менее часа, забирая предварительно заказанные издания.» «Гжельская Ольга Ивановна, двадцать семь лет. Не замужем. Приехала из Цюриха полгода назад. В Европе провела около пяти лет: официально - на лечении в частных клиниках.

Я откинулась на спинку кресла, задумчиво постукивая пальцами по подлокотнику. Завтра вторник. Идеальный момент для «случайной» встречи.

* * *

Следующий день выдался солнечным. Воздух был колючим и прозрачным. Под колёсами экипажей хрустела подмёрзшая каша, слышался перезвон колокольчиков. Книжная лавка «Линден и сыновья» располагалась на первом этаже серого гранитного здания. Фасад украшали огромные витринные окна, за которыми выстроились в ряд фолианты в кожаных переплетах. Над входом покачивалась вывеска с золотой надписью на тёмном фоне.

- Барыня, приехали, - Григорий спрыгнул с козел и открыл дверцу, подавая мне руку.

Я вышла на тротуар и вдохнула полной грудью холодный, пахнувший дымом воздух. Начиналось самое интересное.

Дверь лавки отозвалась мелодичным перезвоном малень-

кого медного колокольчика. Внутри было тепло и удивительно тихо. Полки с книгами уходили под самый потолок, теряясь в полумраке верхних ярусов, куда можно было добраться только по высоким приставным лестницам. В центре зала стояли столы, заваленные новинками, а за конторкой в глубине помещения виднелся седой затылок приказчика.

Пройдя мимо неё, я подошла к приказчику. Я сразу заметила Гжельскую. Она стояла у дальней полки, окутанная золотистым светом, падающим из высокого окна, и задумчиво перелистывала страницы какой-то книги.

- Здравствуйте. Мне бы хотелось найти что-нибудь толковое по цветоводству.

Пожилой мужчина за конторкой суетливо поправил очки.

- О, сударыня, вы обратились по адресу! Как раз на днях получили роскошное издание с литографиями из самого Парижа! Позвольте, я провожу вас, у нас там целая секция новинок, глаз не оторвать!

Он засеменил впереди, указывая путь, и мы прошли в паре шагов от Ольги Ивановны. Гжельская подняла голову и воскликнула:

- Татьяна Фёдоровна?

Я обернулась, мастерски изобразив на лице смесь удивления и радости.

- Ольга Ивановна? Надо же, какая неожиданная встреча в таком огромном городе!

- Вы увлекаетесь цветоводством? - она чуть улыбнулась,

закрывая книгу.

- Пока это лишь мечты, - рассмеялась я. - Решила попробовать приручить пару азалий. Знаете, цветы это идеальные собеседники: они всегда молчат и никогда не спорят с вашим мнением.

Гжельская улыбнулась, и эта улыбка показалась мне искренней.

- А вы тоже ищете что-то особенное? - поинтересовалась я, кивнув на полки.

- Пока мой основной заказ упаковывают, я решила посмотреть пару романов, – Ольга Ивановна коснулась корешка книги, - чтобы как-то скоротать эти бесконечные февральские вечера. Мне кажется, что любовь на страницах книг всегда выглядит так прекрасно.

- О, да... - я заговорщицки понизила голос. - Любовь в книгах хороша тем, что книжные соблазнительницы не храпят, не требуют чистых сорочек и всегда вовремя замолкают, стоит лишь закрыть обложку. Безопасное вложение чувств, не ходите?

Гжельская звонко рассмеялась, в её взгляде мелькнул живой интерес. Она внимательно посмотрела на меня, словно принимая какое-то решение.

- Татьяна Фёдоровна, вы удивительная. Может быть, вы окажете мне честь и заглянете на чашку чая? Прямо сейчас. Недавно приехав, я поняла, что Петербург - город одиноких людей. Была бы счастлива обрести в вашем лице приятную

собеседницу. Подруг у меня здесь совсем нет, а ваши шутки - лучшее лекарство от меланхолии.

- С удовольствием, Ольга Ивановна. Признаться, я и сама не против хорошей компании, - принимая приглашение, я улыбнулась.

Мы быстро завершили покупки. Я обзавелась увесистым томом по цветоводству с красочными иллюстрациями, а приказчик вынес Ольге плотно упакованную стопку книг, перевязанную бечёвкой.

- Там стоят наёмные экипажи, - кивнула Гжельская в сторону извозчиков, когда мы вышли на улицу. - Мой кучер нынче неважно себя чувствует.

- Нет нужды в наёмном экипаже, - я указала на свою карету. - Мой транспорт к вашим услугам. — Григорий уже открывал дверцу, завидев нас.

Я назвала Григорию адрес, и как только мы устроились в салоне, экипаж тронулся с места.

Ольга стянула лайковые перчатки, и я невольно замерла, не сводя глаз с её правой руки. На мягкой мышечной подушечке, прямо у основания большого пальца красовался шрам. Он был тонким, но удивительно чётким. Линии не походили на случайный след от пореза. Они складывались в знак, напоминающий древнюю руну или печать. Ольга тут же перевернула руку ладонью вниз и накрыла её левой кистью.

- Погода в Петербурге так переменчива, - произнесла она совершенно спокойным тоном. - В Цюрихе совершенно дру-

гое солнце...

Глава 16

Стоило нам войти в дом, как я увидела Фёклу, похожую на нахохлившуюся ворону. При нашем появлении она согнулась в поклоне, но глаза, быстрые и цепкие, на мгновение задержались на мне. Этого было достаточно, чтобы уловить в них тень недовольства. Она явно была не рада гостям. Фёкла забрала моё пальто и шляпку, а затем и пакет с книгами Ольги, после чего удалилась.

Я с интересом осмотрелась. Высокие потолки, витиеватая лепнина, красивые узорные перила главной лестницы... В воздухе витал аромат кофе и чего-то сладковато-пряного, отдалённо напоминающего благовония. Из боковой двери неслышно выскользнула горничная в белом переднике и с собранными в тугий пучок волосами. Она тут же вызвала у меня ощущение тревоги. Вроде бы ничего особенного, обычная женщина лет сорока. Но мой взгляд моментально зацепился за лицо. Тонкие белесые шрамы, едва заметные на бледной коже, тянулись от уголков рта почти до самых ушей. Словно ей разрезали рот... тонким лезвием стилета высекая улыбку...

«Что здесь, черт возьми, происходит?» - пронеслась в моей голове мысль, холодея затылок.

- Прошу, Татьяна Фёдоровна, - мягкий голос Ольги выдернул меня из раздумий. – Давайте пройдем в гостиную.

Это было очень уютное помещение. В камине весело потрескивали поленья, отбрасывая блики на позолоту картинных рам. В ажурной клетке щебетали две канарейки. Большая часть комнаты была обставлена тёмной мебелью из вишневого дерева, а у окон располагался светлый диван с шёлковыми подушками и небольшим столиком напротив. Полки шкафов украшали старинные вазы и фарфоровые статуэтки. На другом конце комнаты стояло массивное пианино, покрытое кружевной салфеткой. Но, несмотря на это показное благолепие, я подсознательно ощущала дискомфорт. Словно здесь всё было слишком идеально, как декорации в театре. Мне было страшно приоткрывать свою «дверь», но сделать это всё равно пришлось. Тишина.

Горничная принесла поднос с чайными принадлежностями и пирог с джемом, посыпанный орехами. Поставив всё на столик перед нами, она налила чай и вышла, аккуратно закрыв за собой дверь. Я сделала глоток ароматного напитка из тонкой фарфоровой чашки и поинтересовалась:

- Ольга Ивановна, вы слышали об ужасном убийстве, которое произошло на кладбище? Ужас! Страшно становится, когда представишь, что где-то рядом ходит такой зверь!

Гжельская резко повернула голову. Её взгляд стал колючим и пронзительным.

- Нет, не слышала, - сдержанно ответила она. - Что же там произошло?

- Да кто ж знает... - я пожала плечами, изображая наив-

ность и легкую растерянность. - Говорят, мужчину убили и какой-то знак на лбу вырезали... Одному Богу известно, что было на уме у этого душегуба...

- Ой, и не говорите, Татьяна Фёдоровна! – на лице Ольги появилось участливое выражение. - Какого только зла не бывает на белом свете.

Но я видела этот настороженный взгляд... И тут меня пронзила ужасная мысль, от которой в жилах похолодела кровь. Что, если информация об убийстве альбиноса была строго засекречена? Что, если официальные новости еще не успели распространиться или дело вообще было опущено из сводок именно для того, чтобы усыпить бдительность возможных причастных? Тогда своим вопросом я только что выдала себя. Сделала фатальную ошибку, показав, что знаю больше, чем положено!

Я мысленно застонала, проклиная свою несдержанность. Если Родин узнает об этом, он лишь утвердится в своей правоте: женщинам в следствии не место, а мне тем более. Но я ведь не оперативник, не прожжённый сыщик! Да... вот только это не оправдание. В таких играх ставка слишком высока.

- Татьяна Фёдоровна, я тут подумала... - вдруг с улыбкой произнесла Гжельская. - Может быть, вы составите мне компанию? Меня пригласили в гости на небольшой вечер. И так как вы никого здесь не знаете, может, пришла пора заводить знакомства? Петербургскому обществу не хватает све-

жих лиц.

- Но это неудобно, Ольга Ивановна... - я попыталась изобразить смущение. - Вряд ли хозяевам понравится, что вы привели совершенно чужого человека. Это было бы верхом нескромности с моей стороны.

- Ну что вы! - Гжельская махнула рукой, и я снова увидела краем глаза тот самый шрам-руну на её ладони. - Во-первых, я предупрежу, что приду не одна. А во-вторых, Григорий Антонович — человек широчайшей души и очень гостеприимный хозяин. Его дом всегда открыт для интересных людей.

Я кивнула, а про себя подумала: «Конечно, странное желание тащить малознакомую женщину в дом к другу. Возможно, Гжельская хочет показать меня своему сообщнику? Если он замешан в убийствах, то я сейчас добровольно соглашусь войти в клетку к тигру.»

- Что ж, раз вы так настаиваете... Я буду рада. Кто этот господин? Чем он занимается?

Ольга улыбнулась, и на мгновение мне показалось, что за этой улыбкой скрывается торжество охотника, заманившего зверя в силки.

- Григорий Антонович — страстный коллекционер. Он собирает редкие вещи: от антикварной мебели екатерининских времён до уникальных ювелирных изделий с историей. Это человек с огромным состоянием, вхожий в самые высокие кабинеты Петербурга. Его связи простираются далеко за

пределы обычного светского круга.

- О, как интересно! - воодушевлённо воскликнула я, стараясь, чтобы мой взгляд сиял неподдельным любопытством. - Наверняка Григорий Антонович знает множество захватывающих историй! Ведь у каждой старинной вещи есть своя тайна!

- Вы даже не представляете, насколько их много... - усмехнулась Гжельская. - Завтра я заеду за вами в восемь часов. Будьте готовы, дорогая, этот вечер обещает быть незабываемым.

Я внутренне напряглась. Ольга хочет знать, где я живу. Отнекиваться - значит подписать себе приговор и окончательно подтвердить её подозрения после моей глупой выходки со сплетней об убийстве.

- Это очень любезно с вашей стороны, Ольга Ивановна, - ответила я, сохраняя на лице маску приятного удивления. После чего назвала адрес.

Мы ещё некоторое время поболтали о всякой светской чепухе: я сетовала на погоду. Гжельская — на то, что в кондитерской “Берен” нынче подают отвратительные эклеры. Я старательно изображала восторженную провинциалку, дорвавшуюся до столичного лоска, хотя внутри меня всё ещё колотил мелкий озноб от осознания собственной опрометчивости.

Прощание вышло на редкость душевным. Гжельская, источая доброжелательность, проводила меня до дверей, поце-

ловала в обе щёки. Фёкла с тем же непроницаемым лицом подала мне пальто, бросив на прощание взгляд, от которого захотелось перекреститься.

Как только за мной захлопнулась дверца экипажа, я от души выругалась, обзывая себя самыми обидными словами. Карета тронулась, и вдруг по салону пронёсся лёгкий ветерок. Странно... окна плотно закрыты. А в следующее мгновение по моей щеке скользнули чьи-то невидимые, пугающе прохладные пальцы. Я моментально напряглась. Мой «защитный экран» был выставлен, я никого не вызывала!

- Это ещё что за новости? - выдохнула я, озираясь по сторонам.

А потусторонний «гость» не унимался. Те же невидимые пальцы бесцеремонно провели по моей щиколотке, отчётливо холодея кожу даже через плотный шёлк чулка. Я резко дёрнула ногой и рывкнула:

- Эй! Руки убрал! Если не хочешь, чтобы я тебя развеяла по ветру!

- М-м-м-м... Какая страстная штучка... - прошептал бархатистый мужской голос прямо у самого уха, обдав шею могильной стужей.

Я резко обернулась и, честно говоря, слегка офигела. Напротив меня, вальяжно раскинувшись, сидел мужчина. Он был бледным, полупрозрачным, но черты лица проступали удивительно чётко. Чертовски хорош собой: волевой подбородок, прямой нос, чуть насмешливые синие глаза... При-

зрак пригладил наглухо застегнутый мундир с эполетами и посмотрел на меня с лукавым прищуром.

- Какого чёрта?! - изумлённо воскликнула я. - Этого не может быть!

- Ну почему же? - усмехнулся гость, плавно переместившись на противоположное сиденье. А я смотрела на него, пытаюсь осознать увиденное. Обычно мертвые - это лишь голоса моей голове. Но этот был почти осязаемым. - Разрешите представиться, поручик Адам Левинский.

- Мёртвые не могут касаться живых. Это законы физики... ну, или метафизики, поручик.

- Для нас, неприкаянных душ, всё дело в плотности энергии, - Левинский изящно закинул ногу на ногу. - Видите ли, на Смоленском кладбище, когда тот белобрысый бедолага расставался с жизнью, выделилось столько... вкусного, что грех было не подкрепиться. Вы ведь были там, Татьяна? Я видел вас. Сияли, как маяк в тумане, *ma petite tentatrice**... Я успел «глотнуть» этой силы, пока она не рассеялась.

- Так вы с самого кладбища за мной ходите? - я не могла поверить своим ушам. Оказывается, в мире мёртвых не всё так просто...

- Да, да, *ma chère!* - проворковал поручик, и его взгляд скользнул по моей фигуре с таким нескрываемым удовольствием, что я ощутила себя раздетой. - И не только на кладбище. Я имел удовольствие наблюдать ваши очаровательные формы, когда вы переодевались в уединении вашего дома.

Признаюсь, это было весьма... вдохновляюще.

У меня дар речи пропал от возмущения. Ах ты ж... Но тут мой гнев отступил.

- Стоп! Если вы были там, на Смоленском кладбище, то видели, кто убил мужчину?!

- Конечно, видел, *ma belle pécheresse* , - с улыбкой произнёс он. - От начала и до конца.

* *ma petite tentatrice* - моя маленькая искусительница.

* *ma belle pécheresse* – моя прекрасная грешница

Глава 17

- Ну, говорите же! - я нетерпеливо подалась вперёд. - Кого вы видели?

Но поручик не спешил. Он нарочито медленно поправил свои безупречные призрачные манжеты.

- Это была фигура в длинном тёмном плаще с глубоким капюшоном, - наконец произнёс Левинский. - Но с уверенностью могу сказать: это был мужчина. Высокий, широкоплечий.

Я слушала его, затаив дыхание, ловя каждое слово. А потом разочарованно выдохнула:

- Так вы не видели его лица?

- Нет, лица не видел, - отрицательно покачал головой поручик, и на его губах снова заиграла ухмылка.

- Тьфу ты! - в сердцах воскликнула я, откидываясь на спинку сиденья. - Только зря вам поверила!

- Ну почему же зря, *ma petite**? – Левинский пригладил волосы, продолжая пожирать меня взглядом неисправимого ловеласа. - Возможно, я и не разглядел черты его лица, зато я видел, что убийца потерял в спешке. И что более важно, я точно знаю, где эта вещичка находится сейчас...

Я взволнованно привстала, едва не ударившись головой о потолок экипажа. Выглянув в окошко, крикнула кучеру:

- Григорий! Разворачивай! На Смоленское кладбище, жи-

во!

- Помилуйте, барыня, - донёлся с козлов недоумённый голос. - Солнце-то вон уж почти село, не ровён час, сумерки...

- Григорий! Немедленно! – рявкнула я и, опустившись на сидение, грозно предупредила поручика:

- Надеюсь, вы не водите меня за нос. Потому что если мы приедем и никаких улик не будет, я позабочусь о том, чтобы ваше посмертие стало очень, очень неудобным!

- Обожаю, когда вы доминируете, Татьяна Фёдоровна, - прошептал он, медленно растворяясь в воздухе. Услышав тихий смешок, я раздражённо скривилась.

Когда экипаж замер у кованых ворот Смоленского кладбища, у меня неприятно засосало под ложечкой. Григорий спрыгнул с козел и подошёл ко мне.

- Я с вами пойду, барыня, - встревожено сказал он, поправляя пояс. - Место недоброе, да и время... не для прогулок честным людям.

- Нет, - отрезала я. - Не переживай, это недолго. Дай мне фонарь.

Слуга начал было возражать, но я так глянула, что он только развёл руками. Потом тяжело вздохнул и, сняв один из масляных фонарей с кронштейна, протянул мне.

Я направилась к воротам, чувствуя, как металлическая ручка светильника холодит кожу сквозь перчатку. Тяжелая створка поддавалась с протяжным надрывным скрипом, который, казалось, разнёсся на всю округу. Слабый свет выхва-

тывал из темноты лишь небольшой клочок пространства: обледенелую дорожку и верхушки надгробий, выступающих из сугробов, словно костлявые пальцы.

- Ну, поручик, - негромко произнесла я. - Я на месте. Выходите из тени и показывайте дорогу, пока я окончательно не превратилась в ледяную статую.

Воздух перед фонарём дрогнул, и я почувствовала знакомый укол холода у самого плеча. Левинский не заставил себя ждать.

- Если бы я был жив, вы бы горели в пламени моей страсти, а не дрожали от холода, - прошептал он, склонившись к самому уху.

Я лишь хмыкнула, не удостоив взглядом призрака.

- Избавьте меня от вашей «кладбищенской романтики». Ведите.

Левинский картинно вздохнул, заложил руки за спину и поплыл по аллее, едва касаясь снежного наста. Я двинулась следом, стараясь не обращать внимания на шорохи в кустах и скрип старых деревьев. Вскоре мы свернули на знакомую дорожку, петляющую между массивными гранитными надгробиями. Возле места преступления поручик вдруг резко свернул в сторону и скрылся в густых кустах бересклета. Через минуту раздался его голос:

- Татьяна Фёдоровна, идите сюда!

Чертыхаясь и цепляясь подолом платья за колючие ветки, я продралась сквозь заросли. Левинский стоял, указывая

пальцем на какой-то предмет. Я присела и поднесла фонарь ближе. На снегу, тускло поблескивая, лежал золотой портсигар. Дорогая вещь... Я осторожно подняла его, стряхнула налипший снег и поднесла к глазам. На крышке был выгравирован сложный рисунок: змея, обвившаяся вокруг перевернутого факела, а в самом центре этой композиции красовалась крупная готическая буква «С».

Внутри всё похолодело. Таких совпадений не бывает.

Я нажала на крохотную кнопку. Замок щёлкнул и крышка откинулась, открыв ровный ряд папирос с длинными картонными мундштуками. Тонкий аромат дорогого табака ударил в нос.

- Хм... «Лаферм»... - раздался над самым ухом вкрадчивый голос Левинского. - Поставщик Двора Его Императорского Величества, между прочим. У убийцы отменный вкус, Татьяна Фёдоровна. Такие папиросы заказывают в магазине на Невском, и стоят они столько, сколько обычный городской не заработает и за месяц.

Я захлопнула портсигар и сунула его в карман пальто. Пальцы непроизвольно сжались на холодном золоте.

- Благодарю вас, поручик, - я повернулась к своему призрачному спутнику. - Вы мне очень помогли.

Я уже собиралась развернуться и пойти прочь из этого гиблого места, но Левинский не исчез. Напротив, он подплыл ближе, и его полупрозрачная фигура на мгновение стала золотистой от света моего фонаря.

- Возможно, я помогу вам ещё не раз, ma petite, - мягко произнёс он, и в его голосе проскользнула странная, почти собственническая нотка.

- В смысле? – я недоумённо приподняла бровь. - Ваша миссия выполнена. Или вы ждёте вознаграждения в виде панихиды?

- О, оставьте это священнослужителям, - он изящно отмахнулся. - Видите ли, в чём дело... Теперь я с вами. Хотите вы того или нет.

- Что значит «со мной»? - я нахмурилась, чувствуя, как внутри нарастает раздражение. - Вы что, собрались провожать меня до самого дома?

- Не просто до дома, - поручик наклонил голову, и его глаза блеснули потусторонним светом. - Я привязался к вашему свету, к вашей энергии. И это меня очень радует. Ведь в мире мёртвых серо и невыносимо скучно...

- Я могу помочь вам отправиться в иной мир, - я холодно посмотрела на него. - Уйти туда, где вам не будет скучно. Поверьте, среди живых вам не место. И я знаю, как оборвать связь.

Поручик вдруг перестал улыбаться. Его взгляд стал бесконечно усталым, лишённым всякого веселья.

- Даже вы не можете мне помочь, Татьяна Фёдоровна. Ибо покинуть этот мир я смогу лишь тогда, когда получу прощение. Настоящее, искреннее прощение, без которого весы не придут в равновесие.

- И чьё же прощение вам нужно? Обманутой девицы? - саркастично хмыкнула я, но в глубине души почувствовала укол любопытства.

- Если бы всё было так просто... - Левинский отвёл взгляд. - Был такой чиновник — Павел Павлович Назимов. Мелкая сошка, но с душой великого авантюриста и полным отсутствием удачи. В ту ночь в закрытом клубе на Морской он проиграл мне всё. Деньги, именные часы, даже экипаж. В конце он дрожал так, что не мог удержать карту. У него остался последний козырь - закладная на небольшой дом в пригороде. Тихий уголок — единственное, что обеспечивало будущее его жены и десятилетней дочери.

Поручик немного помолчал, а потом продолжил:

- Павел Павлович ползал передо мной на коленях... Целовал руки, умолял дать ему отыграться. Клялся, что вернёт долг. Но я был непреклонен и забрал закладную, а через неделю лично выставил его жену Елену и маленькую Варю на улицу. Прямо в ноябрьскую слякоть. Мне нужны были деньги, чтобы покрыть свои собственные долги чести.

- И что Назимов? - спросила я, хотя уже знала ответ.

- Застрелился в тот же вечер в кабинете своего начальника. А я продал дом какому-то купцу под склад. Теперь семья Павла Павловича проживает в Коломне, в одном из тех доходных домов, стены которых сочатся плесенью, а из окон видны только помойки. Елена ослепла от постоянного шитья при свечах, а Варя сейчас работает прачкой.

Левинский снова посмотрел на меня, и в его глазах отразилась такая бездонная пустота, что мне стало не по себе.

- Они прокляли моё имя. И пока Елена не скажет, что прощает меня, я буду прикован к этой серой меже.

Я тяжело вздохнула, глядя в бездонное чёрное небо, усыпанное колючими зимними звездами. История, конечно, была гадкая... Но я мыслила рационально. Поручик мог мне пригодиться. Знание Петербурга и способность проникать сквозь стены стоили того, чтобы потерпеть его общество.

- Хорошо, - я опустила взгляд на призрака. - Оставайтесь. Но при одном условии: никаких приставаний и не смей за мной подглядывать! Когда я переодеваюсь или принимаю ванну, вас не должно быть рядом. Это ясно?

Лицо поручика моментально преобразилось. Он вытянулся, «щёлкнул» каблуками своих призрачных сапог и приложил руку к козырьку.

- Слушаю, госпожа следователь! Ваша воля для меня - высший устав. Клянусь честью офицера!

Левинский вдруг наклонился ко мне с той самой раздражающей ухмылкой и добавил вполголоса:

- А насчёт подглядываний не беспокойтесь так сильно, ma petite. В бытность свою я насмотрелся на женскую анатомию... Хотя, признаю, ваши формы мне куда более эстетически приятны...

Я бросила на него гневный взгляд и быстро пошла в сторону аллеи.

Ma petite (ма птит) - в переводе с французского означает «моя маленькая» или «моя крошка».

Глава 18

Перед тем как провалиться в тревожный сон, я долго крутила портсигар в руках под светом догорающей свечи. Утверждать на сто процентов, что он принадлежит Северскому, было бы преждевременным. Наверняка в Петербурге хватает состоятельных мужчин с фамилией на букву «С». Однако в совокупности с его загадочным даром, политическим влиянием и тёмным шлейфом тайн этот портсигар казался не просто уликой, а прямым обвинением. Если это его вещь, значит, Тайный советник совершил ритуальное убийство альбиноса.

В голове мелькнула мысль: «А стоит ли рассказывать Родину о предстоящем визите к Гжельской?». Сомнение длилось лишь мгновение. Играть в одиночку против людей такого калибра - самоубийство. Да и мысль о том, что где-то в тени за моей спиной будет находиться «группа поддержки», действовала умиротворяюще.

С этими мыслями я забылась тяжёлым сном без сновидений. А наутро, едва забрезжил серый рассвет, я набросала записку Родину и велела Григорию немедленно доставить её. Он вернулся примерно через час и передал мне запечатанный конверт вместе с увесистым свёртком, обернутым в грубую суконную ткань. Я сразу вскрыла письмо.

«Уважаемая Татьяна Фёдоровна!

Ваше известие заставляет меня действовать без промедления. Я выделю людей: они установят наблюдение за вашим домом и последуют за вашим экипажем, оставаясь невидимыми для посторонних глаз. Однако помните, что внутри особняка вы останетесь предоставлены самой себе. Будьте предельно осторожны. Если события примут скверный оборот, и вашей жизни будет угрожать явная опасность, не медлите. Воспользуйтесь тем, что я вложил в футляр. Пусть этот "аргумент" придаст вам уверенности.

А.В.Р.».

Я нетерпеливо развернула сукно и обнаружила лакированный футляр из чёрного дерева. Внутри, на бархатной подкладке покоился изящный двуствольный пистолет. В специальном углублении рядом с самим оружием лежали патроны.

- Ого, - раздался за спиной голос поручика. - Весьма недурная вещица. Дерринджер системы Ремингтона. Несмотря на малый размер, этот калибр бьёт наповал с близкого расстояния. Вы умеете им пользоваться?

Я молча покачала головой, рассматривая холодную сталь. Левинский картинно закатил глаза к потолку и издал звук, средний между стоном и смешком.

- Ma chère, в таком случае в этой железке нет никакого смысла. Господи, тот, кто передал вам его, хотя бы поинтересовался вашими навыками? Или он решил, что пистолет сам распознает злодея и выстрелит в нужный момент? Давайте-ка я научу вас, пока у нас есть время.

Я опустила в кресло, держа пистолет в руках, а поручик устроился рядом на полу.

- Итак... У него всего два ствола. Один выстрел, второй - и вы безоружны. Поэтому стреляйте в упор, почти касаясь противника, - он указал призрачным пальцем на детали: - Видите этот рычажок справа? Поверните его вверх - так вы открываете блоки стволов для зарядки. Попробуйте. Теперь вставьте патроны. Хорошо... Теперь защёлкните обратно. Чтобы выстрелить, нужно сперва взвести курок... вот этот выступ. Давите большим пальцем до щелчка. Учтите: спуск здесь тугой, предохранителя как такового нет, так что не взводите курок раньше времени, если не хотите отстрелить себе ногу.

Я послушно повторяла движения.

- Прицел здесь... скажем так, символический, - продолжал Левинский. - Цельтесь в середину туловища. И самое главное - отдача. Пистолет маленький, при выстреле его подбросит вверх. Держите крепко обеими руками, если понадобится. Понятно?

- Вроде бы понятно, - кивнула я, ощущая непривычную тяжесть металла.

Теория — это, конечно, прекрасно, но между знанием и навыком лежит пропасть. Впрочем, я тешила себя надеждой, что этот «аргумент» так и останется невостребованным.

После этого необычного урока я поднялась к себе, чтобы выбрать платье, в котором буду вечером. Мой взгляд сразу

упал на закрытое платье из зелёного шёлка. Оно было элегантным, но невызывающим. Плюс в его складках имелся потайной карман – идеальное место для Дерринджера.

В половине восьмого я спустилась в гостиную, чтобы выпить немного вина и тихо позвала:

- Поручик! Вы здесь?

- Ma petite, прошу вас, обращайтесь ко мне просто Адам...

- он материализовался на расстоянии вытянутой руки от меня.

- Пока я буду в гостях, вы могли бы пробраться в дом Гжельской и осмотреть комнаты? Чтобы выяснить, что они скрывают в тех частях особняка, куда гостей не пускают.

- Нет, Татьяна Фёдоровна. Я пытался войти туда ещё вчера, как только вы переступили порог. Но ничего не вышло.

Я замерла, опустив бокал.

- В смысле «не вышло»? Вы же бесплотный дух, для вас не существует запертых дверей.

- Дверей не существует — это правда. Но дом Гжельской охраняет мощная сила. Она выставлена как заслон против таких, как я. Стоит оказаться у порога, и меня начинает затягивать в воронку. А в небытие мне как-то не хочется...

- В небытие? - я нахмурилась, не понимая, о чём речь. - Я думала, ваше нынешнее состояние и есть предел...

- О, поверьте, Татьяна Фёдоровна, то, где я нахожусь сейчас - это ещё «жизнь», если можно так выразиться. У меня есть память, есть я сам... А то, о чём я говорю - это Лимб.

Место вне времени и пространства. Настоящая пустота. Там нет ни света, ни тьмы, ни звуков. Только вечное «ничто», в котором твоя личность растворяется, как капля воды в океане.

В дверях гостиной появилась Прасковья. И мы замолчали, чтобы не пугать женщину.

- За вами прибыл экипаж, Татьяна Фёдоровна. Сейчас я принесу пальто.

Она скрылась за дверью, и Адам предупредил меня:

- Я поеду с вами. Если в дом коллекционера мне тоже нет хода, значит, это звенья одной цепи. Одна и та же рука ставила защиту. Будьте осторожны. Я буду ждать на улице.

- Хорошо, - ответила я и вышла в холл, где Прасковья уже держала наготове моё пальто. Она помогла мне надеть шляпку, закрепив её длинной шпилькой, и подала перчатки. Когда я уже потянулась к дверной ручке, она внезапно перекрестила меня.

- Благослови вас Господь, госпожа.

Напротив особняка ждал закрытый экипаж, лакированные бока которого блестели в свете газового фонаря. Сначала мне показалось, что у подножки стоит ребёнок, но когда я подошла ближе, поняла, что это карлик. На нём была дорогая, но какая-то нелепая ливрея, явно сшитая, чтобы подчеркнуть его физическое уродство. Огромная голова с глубокими залысинами казалась слишком тяжёлой для маленького тела. Услышав мои шаги, карлик вскинул лицо и улыб-

нулся, обнажая дёсны, усеянные жёлтыми гнилыми «пеньками» зубов. Карлик церемонно поклонился и распахнул дверцу, демонстрируя обитое алым бархатом нутро экипажа.

- Прошу пожаловать, сударыня, - дребезжащим голоском произнёс он. - Хозяйка заждалась.

Я устроилась на мягком сидении и с улыбкой поздоровалась с сидящей напротив Гжельской:

- Добрый вечер, Ольга Ивановна.

В полумраке её глаза казались двумя темными провалами. Но ответная улыбка выглядела безупречно любезной.

- Добрый, добрый, Татьяна Фёдоровна, - отозвалась она, слегка наклонив голову. - Я признательна, что вы не пренебрегли моим приглашением. Вечер обещает быть исключительным.

Карета качнулась и с мягким стуком тронулась по брусчатке. Ольга откинулась на спинку сиденья и вдруг спросила:

- Видели моего кучера? Уродец, но какой забавный! Как вы считаете?

Мне был неприятен этот вопрос. Словно Гжельская считала живого человека экзотическим домашним животным.

- Я не считаю уродство забавным. Это болезнь, Ольга Ивановна, а не повод для веселья.

Гжельская тихо рассмеялась.

- Болезнь? Видите ли, дорогая, природа цинична... Сначала она создаёт совершенство, а потом выплевывает нечто подобное.... И разве не любопытно наблюдать за тем, как душа

ютится в искажённом сосуде, Татьяна Фёдоровна?

- Видимо, у нас с вами разные понятия. Для меня человек остаётся человеком, в какую бы оболочку его ни заперла природа, - ответила я, чувствуя какое-то напряжение между нами.

- Возможно, возможно... - промурлыкала Ольга, отворачиваясь к окну. – Вы очень чувствительны, дорогая...

«Чувствительна? - пронеслось у меня в голове. - Безусловно. Особенно к запаху высокомерного ханжества.».

Глава 19

Особняк коллекционера выделялся на фоне соседних зданий какой-то мрачной монументальностью. Высокий, с массивными карнизами и лепниной в виде химер, он был залит светом газовых фонарей.

Экипаж остановился. Карлик распахнул дверцу и сначала подал руку Гжельской, а потом мне.

- Благодарю вас, - негромко произнесла я, и он на секунду замер. Огромная голова удивлённо склонилась набок, а губы снова разъехались в той самой жутковатой улыбке. Кажется, слова благодарности были для него редкостью.

- Я уверена, что вам понравится вечер! - Гжельская подхватила меня под руку, и мы направились к главному входу. - Возможно, вы даже найдёте здесь новых друзей, Татьяна Фёдоровна.

Ольга трижды ударила дверным молотком в виде свернувшейся змеи. В ту же секунду дверь бесшумно отворилась. На пороге стоял высокий, как жердь дворецкий в ливрее, расшитой галунами. На его руках были ослепительно белые перчатки.

- Прошу вас, госпожа Гжельская, госпожа Ведовская, - учтиво произнёс он, поклонившись, после чего отступил в сторону, пропуская нас.

Мы вошли в холл, и я невольно засмотрелась на необыч-

ное убранство помещения. Стены были затянуты темным штофом, а вдоль них на постаментах из чёрного мрамора стояли статуи. Справа - многорукое божество, покрытое патиной, с глазами из мутных камней, слева - белоснежная фигура женщины, чьё лицо скрыто вуалью, настолько тонко высеченной из камня, что казалось, ткань заколышется от малейшего сквозняка. Картины в вычурных рамах тоже произвели на меня неоднозначное впечатление. На одном полотне я узнала сцену, виденную где-то ранее: тени, влекущие грешников в пучину... Живопись никогда меня не интересовала, но именно эта картина мне запомнилась. На другом полотне изображалось анатомическое вскрытие.

- Завораживает, не правда ли? - шепнула Ольга, заметив мой интерес. – Эразм* считает, что истинная красота проявляется только в моменты перехода. От жизни к смерти, от плоти к духу.

Дворецкий принял наши пальто, передал их безмолвной горничной, которая, словно привидение, возникла из тени коридора. После чего пригласил:

- Следуйте за мной.

Мы прошли по длинному коридору и остановились у высокой двустворчатой двери. Слуга взялся за позолоченные ручки и медленно распахнул их перед нами. Я шагнула внутрь и на мгновение замерла. Гостиная утопала в густом полумраке, который лишь слегка разгоняли свечи в канделябрах, расставленных по углам.

И в этот момент мой взгляд столкнулся с холодными, как арктическая вода, глазами. Северский.

Я почувствовала, как мой «заслон» завибрировал под натиском его воли. У меня перехватило дыхание. Выражение лица Тайного советника стало жёстким. Он всем видом демонстрировал отчётливое недовольство моим появлением. В этот момент к нам с Гжельской подошёл мужчина средних лет. У него было открытое, даже располагающее лицо и доброжелательная улыбка, но общее впечатление портило какая-то избыточная, почти плотоядная внимательность в глазах. Его кожа казалась слишком бледной и натянутой, словно восковая маска, скрывающая нечто неприятное.

- Ольга Ивановна! Я так понимаю, это та самая Татьяна Фёдоровна Ведовская, о которой вы предупреждали меня?

- Да. Это именно она, - ответила Гжельская, бросив на меня быстрый взгляд, в котором промелькнуло... удовлетворение?

- Григорий Антонович Стоянов, - мужчина поцеловал мне руку, и я вежливо улыбнулась, ощущая, как от его прикосновения по коже пробегает неприятный холодок. - Позвольте мне представить вас моим гостям.

Хозяин дома предложил руку, и мне ничего не оставалось делать, как взять его под локоть. Тайный советник не сводил с нас глаз. Пока мы шли эти несколько метров, я буквально кожей чувствовала его взгляд. Стоянов остановился перед склонившим голову мужчиной и с уважением произнёс:

- Разрешите представить вам: Дмитрий Александрович Северский. А это Татьяна Фёдоровна Ведовская.

Северский коснулся губами моей руки и, выпрямившись, сказал:

- Не могу не выразить искреннего восхищения, сударыня.

В его глазах на мгновение вспыхнула опасная искра. И я вдруг поняла, что он не хочет, чтобы нас считали знакомыми.

Григорий Антонович повёл меня по комнате, представляя остальных. Кроме нас с Ольгой и Тайного советника в гостиной были ещё две семейные пары: чопорный барон фон Риттер с супругой, прибывшие из Варшавы, и чета промышленников Марковых из Одессы.

После короткого обмена любезностями Стоянов предложил мне вина. Я взяла бокал и, отступив в угол к огромным напольным часам, принялась наблюдать.

Несмотря на то, что Ольга что-то увлечённо рассказывала, на лице Северского застыла маска ледяного безразличия. Было невооружённым взглядом заметно, как она млеет перед Тайным советником. Я поднесла бокал к губам и едва не поперхнулась, так как дверь открылась, и комнату вошёл мужчина-альбинос. Этот человек был пугающе, почти сверхъестественно красив. Бледная, как тончайший фарфор, кожа казалась почти прозрачной в свете свечей. Идеально уложенные и стянутые сзади в хвост волосы отливали чистым серебром. На новом госте был тёмный костюм из дорогого барха-

та, который еще сильнее подчеркивал ослепительную белизну лица. Но самыми поразительными были глаза необычного нежно-фиалкового оттенка, обрамленные густыми белыми ресницами.

Учитывая, что моё расследование началось с трупа ритуально убитого альбиноса, появление этого господина в доме Стоянова подействовало на меня как удар тока.

- А вот и он! - с придыханием произнёс Стоянов. - Юлиан де Вальмонт. Наш драгоценный гость, прибывший к нам из самого Парижа!

Я же никак не могла разобраться в происходящем. Неужели здесь, в этом особняке, на моих глазах готовится еще одно убийство? Откуда в Петербурге такая концентрация «белых воронов»? Они их, что, в специальных питомниках разводят для своих оккультных забав? Но стоило мне взглянуть на реакцию гостей, как версия с ритуальным убийством пошатнулась. Баронесса фон Риттер едва не выронила веер, с трепетом глядя на Вальмонта. Её муж кланялся как заведённый. А Марков с супругой замерли, словно перед ними был не человек, а ожившее божество. Гжельская же не могла отвести взгляд от альбиноса, скованная то ли страхом, то ли восхищением. Только Северский оставался невозмутим.

Вальмонт двигался между гостями, одаряя каждого милым кивком. И когда Стоянов подвел его ко мне, я почувствовала, будто вокруг меня образовался плотный кокон какой-то невероятно сильной энергии.

- А это Татьяна Федоровна Ведовская... - начал было Стоянов, но гость перебил его:

- Очень приятно, - голос Вальмонта оказался неожиданно глубоким, бархатистым, с едва уловимым акцентом. Он взял мою руку, но вместо того, чтобы коснуться её губами, вдруг крепко обхватил запястье своими длинными, пугающе холодными пальцами. Я почувствовала, как его большой палец плотно лег на мою лучевую артерию, будто прощупывая пульс. Фиалковые глаза впились в мои, проникая, казалось, сквозь все заслоны.

- *Magnifico**... - выдохнул Вальмонт. – *Perfezione**...

Затем он, изящно поклонившись, направился напрямиком к Северскому, и они заговорили вполголоса. В отличие от остальных, Тайный советник держался иначе. Он не заискивал и не выказывал благоговейного трепета. Дмитрий Александрович стоял прямо, лицо оставалось непроницаемым, а в позе сквозила уверенная сила. И по тому, как Вальмонт наклонял голову, слушая собеседника, стало ясно: он признаёт в нём равного. Это настораживало. А ещё я запутывалась всё больше...

* Эразм - (Дезидерий Эразм, настоящее имя - Герхард Герхардс) - голландский философ, мыслитель, теолог, библиист, писатель, переводчик и педагог, один из крупнейших представителей Северного Возрождения.

* *Magnifico* - великолепно (итал.)

* Perfezione

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.